

Мя...у...у!

Во истину, пути Господни неисповедимы.

Иван Трофимович, очень порядочный человек, прекрасный христианин. Добросовестно посещающий все собрания церкви «Спасение во Христе», как обычно, пришёл и в это воскресное утро на собрание.

За долгие годы хождения в собрание для Ивана Трофимовича всё стало уже привычным, обыденным. Уже всё реже и реже в его сознании звучал голос: «Господи, что бы для Тебя хорошее и полезное сделать?». И всё реже и реже в нём звучала мысль: «Кому бы засвидетельствовать о любви Господа, о Его спасении и о жизни вечной?»

Иван Трофимович, каждый вечер открывал Библию, читал уже привычные строки, сладко зевал, на спех молился, и ложился спать.

Но, в это утро Иван Трофимович вдруг почувствовал что-то необычное внутри себя. Какое-то волнение или тревогу.

Начиналось собрание. На подиуме занимала своё место группа прославления. У рояля утраивалась поудобнее регент церкви – сестра Тамара. Пастор медленно и степенно подходил к кафедре, трогая микрофон, проверяя, включен ли он. И, только зазвучали первые аккорды давно знакомого христианского гимна, только певцы раскрыли рот, как в голове у Ивана Трофимовича зазвучали слова: «Залезь под рояль и замяукай».

«Взбрeдёт же такое в голову», - подумал Иван Трофимович.

Пропели один псалом, за ним следующий, и ещё один. Иван Трофимович, вроде бы, как-то и успокоился.

Но, только зазвучали первые слова молитвы, как с новой силой в голове у Ивана Трофимовича зазвучали слова: «Залезь под рояль и замяукай».

Ну что это за напасть такая, что за навязчивая мысль такая?!», - возмутился про себя Иван Трофимович. И уже чувство беспокойства сильно овладело им. Он не мог слушать проповеди, не мог петь со всеми христианские гимны. А уже смотреть на рояль – так это было вообще выше сил Ивана Трофимовича.

Но время неумолимо несло к концу собрания. И вот, пастор вышел к микрофону и объявил: «Сейчас мы будем петь христианский гимн «Всё Христу я отдаю», кто ещё не примирился со Спасителем, кто не отдал Ему своё сердце, не подчинился воле Божьей – сейчас ваш час, сейчас ваше время. Во время исполнения этого гимна вы можете выйти сюда на подиум, и в вашей жизни откроется новая страница, в вашей жизни произойдёт то самое главное, чего вы, может быть, ждали всю свою жизнь!»

Сестра Тамара бодро ударила по клавишам и.... В это время как будто пружина вытолкнула Ивана Трофимовича с его кресла. Он даже не взбежал, а как будто взлетел на подиум, влез под рояль. От неожиданности и страха сестра Тамара поджала ноги, вся ужавшись на том крохотном стульчике, на котором сидела возле рояля. Пастор у микрофона встал как вкопанный, раскрыв рот от удивления.

А в это время, из-под рояля раздалось жалобное: «Мя...у...у! Мя...у...у!»

Зал застыл в недоумении. И, вокруг царила какая-то торжественная многозначительная тишина, которую нарушало лишь жалобное: «Мя...у...у!» - раздевающаяся из-под рояля.

От этой «увертюры» пастор первым пришёл в осознание. Но, не сразу сообразив, что в этом случае надо предпринять направился к роялю.

И, в этот момент раздался грохот шагов, и чуть ли не скатываясь со ступенек, ведущих с балкона, вынесся молодой человек. Бегом вскочив на подиум, он пал на колени и громким голосом возопиял: «Господи, каюсь, каюсь, каюсь! Вижу, как велика сила Твоя. Не могу понять, как Ты ради моего спасения, мог пойти даже на такое!»

Со всем растерянный пастор, остановился посреди подиума. Сестра Тамара так и сидела замерев на стуле в позе с поджатыми ногами.

И теперь, торжественную тишину нарушал громкий голос молодого человека: «Каюсь, каюсь, каюсь, каю...ю...ю...сь!!

Их-под рояля осторожно выполз Иван Трофимович. Пиджак со спины и рукава в пыли и паутине. Вид виноватый и растерянный.

Тогда заговорил молодой человек:

- Меня звать Валера, я сосед Ивана Трофимовича. Знаю, что он каждое воскресенье всегда спешит сюда, на собрание. Я часто вижу его, сидя на лавочке возле дома. Иван Трофимович так постоянно спешит, что даже не замечает меня, чтобы хотя бы поздороваться. Вот я решил посмотреть, а куда это он каждое воскресенье так спешит? Услышал здесь, что надо каяться. И что каждый, кто уже пришёл к Господу, примирился с Ним, должен и другим показать путь спасения. Вообще-то мою жизнь нельзя назвать идеальной. Во мне хватает грехов. Вот я и подумал: «А ведь и в самом деле, и мне в вечности придётся отвечать перед Богом». Но, так же были и такие мысли: «Почему же Иван Трофимович никогда мне не расскажет о том, что я грешник, который нуждается в любви Божьей?» Вот и решился, и обратился к Господу, что если в этом служении Иван Трофимович залезет под рояль и замяукает, то я непременно покаюсь! Я искренне молился, и Бог ответил на мою молитву.

Так что не вините брата Ивана Трофимовича, это у него была такая евангелизация, или проповедь (как хотите, так и называйте) для моего покаяния, для моего слабого духа и неверия. И теперь во мне нет никаких сомнений что Господь жив и что Он принимает меня, спасая милостью Своей».

После короткой паузы, всё собрание разразилось смехом, потому что сестра Тамара, так и оставалась, как замороженная сидеть в той же позе, вид Ивана Трофимовича был такой несчастный и виноватый, а пастор никак не мог справиться со своей растерянностью.

Серьёзность момента полностью покрывала эта юмористическая картина.

И этот дружный смех всего собрания, вывел из неловкости героев из их нелепого состояния.

Пастор подошёл к Ивану Трофимовичу, обнял брата, похлопывая по плечу. Сестра Тамара быстро скинула ноги со стула, сев в нормальную позу. Пастор подвёл Ивана Трофимовича к Валере, обняв и его за плечи. И приблизился вместе с ними к микрофону. Так обнимая их, стоя у микрофона, заговорил:

- Хороший пример продемонстрировал нам ныне брат Иван Трофимович. Вот, что значит слышать голос Божий и в точности выполнять веления Его. Но и второй урок из этого извлеките каждый для себя, если сами не хотите благовествовать, рассказывать своим родным, близким, соседям, что значит для вас Господь Иисус Христос, то Он Сам заставит вас это делать. Будете и мяукать, и лаять, и блеять.

И, если мы не можем, или не хотим исполнять волю Божью, то, что же Ему остаётся делать, как не то, чтобы загонять нас, хорошо ещё, что под рояль, а то были и такие, кого Господь в пасть рыбы отправлял.

А сейчас, склонимся в молитве, благодаря Бога, что вот таким необычным образом подарил нам брата Валеру.

Хлеб насущный.

«Отче наш сущий на небесах, да святится имя Твоё, да придёт царствие Твоё, да будет воля твоя и на земле, как на небе

Хлеб наш насущный, дам нам на этот день».

Думаю, сотни христиан, со всего мира, каждое утро завершают своё общение с Господом именно этой молитвой «Отче наш».

Не составляла исключение и эта супружеская пара, которая, каждое утро, добросовестно опускалась на колени, прося прощение за уже совершённые грехи в это утро, и, за раннее прося прощения за те грехи, которые совершат в течении дня.

Максим и Тина, так звали их, недавно уверовали в Господа Иисуса Христа. И, радость общения с Ним, ещё живым трепетом струилась в их сердцах. Молитвы ещё не стали привычными, заученными, и заунывными. И пусть они не отличались особым изяществом и красотой стиля, но шли из глубины их исстрадавшихся сердец.

Не мало они повидали разного, что не очень-то желательно видеть в жизни. Оба воспитанники детдомов и интернатов. Оба успели отбыть не один срок в местах не столь отдалённых. Оба были на «хорошем счету» у преступного мира. Хотя и срока их были все за хулиганство в общественных местах, что не давало им возможности находиться в элитных преступных кругах. Но эта перспектива их никогда и не прельщала, и они никогда не строили таких возвышенных коварных планов.

Хотя, по характеру были оба общительны, но сказать, что у них было много друзей, тоже нельзя. Когда водились деньги, находилось не мало охочих сесть за ними за накрытый стол. Но, в тяжёлые времена они видели лишь измену и предательство.

С приходом их к Господу, старые друзья сделали пару робких попыток чтобы переубедить их, но, не добившись успеха, отступили.

Зато, с приходом к Господу, у них появилась огромная христианская семья. Целая церковь братьев и сестёр. Что немало радовало сердца Максима и Тины. Потому что, в прошлой жизни, детдома и интернаты трудно назвать семьёй, где сочувствуют, помогают друг другу, как-то поддерживают.

А в этой новой семье они нашли всё, и сочувствие, и внимание, и поддержку. И с радостью в сердце, и благодарностью, они шли на каждое собрание.

С такими же сердцами, полными благодарности они поднимались каждое утро, чтобы прославить Господа и начать новый день.

Трудно сказать, откуда бралась эта радость. Ведь с приходом к Господу, никоим образом жизнь их не изменилась к лучшему. С падением Союза, оба потеряли работу. Чтобы как-то существовать, перебивались случайными заработками.

Если с этой позиции сравнивать, то, может показаться, что раньше им жилось и веселей и легче. Но, в той жизни, не смотря на всю её стабильность, постоянно присутствовал в их доме страх. Не было ни одного дня, чтобы они начали его уверенно и радостно.

Но, теперь каждый день у них был новым, новым днём надежды и уверенности. Даже то обстоятельство, что у них на сегодня, на завтрак почти ничего не было, как по куску хлеба и полусладкого чая, они с благодарностью приняли и эту скудную пищу, оделись и отправились в город.

И так, как средства не позволяли им воспользоваться даже дешёвым городским транспортом, то они пешком отправились туда, где могли сегодня, хоть сколько заработать себе на кусок хлеба.

Сначала побывали на центральном базаре, где можно было предложить свои услуги грузчиков. Но, в этот день все вакансии были заняты. Прошли и по другим торговым местам, которых, в ту пору, было как грибов после дождя. Но, везде уже были те, кому в этот день повезло больше чем им. Даже не поленились сходить за город, в один из совхозов, который отживал свои последние времена. Но и там они на сегодня получили отказ.

А тем временем день стал клониться к вечеру. И они, усталые и голодные, на последние копейки, решили ехать домой троллейбусом.

В троллейбусе, за пару остановок до выхода, Тина грустно посмотрела на Максима и сказала:

- Что мы завтра есть будем?

- Не бойся, - ответил Максим: - Бог усмотрит.

И вот их остановка. Раскрывается дверь. Впереди них вышла молодая пара и две женщины. И когда Максим с Тиной ступили на тротуар, то на миг замерли от удивления. Прямо как осенний листопад, длинной дорожкой, прямо от остановки до угла, куда им сворачивать к своему дому, было услао бумажками из мелких денежных купюр.

- Ну что растерялась, собирай, - весело подмигнул Максим Тине.

И та склонившись, бережно собирая каждую бумажку.

Самое примечательное, что в этот вечерний час, на остановке было масса народа. Но, ни один человек не сделал даже попытки поднять эти деньги. А те, кто двигался к остановке или от остановки в том же направлении, осторожно старались переступить или обойти эту денежную дорожку.

И когда Тина на углу выпрямилась, подняв последнюю бумажку, то, в её руках оказалась внушительная пачка денег.

- Ну что, - спросил Максим: - теперь на хлеб на завтра хватит?

Чем закончить этот небольшой рассказ? Наверно тем, сказать, что эта пара жива и здорова, и верно служит Господу. Теперь у них есть и работа, и служение. И они совершенно не страдают от нехватки финансов.

Только, может быть, молитвы их, со временем стали более отточенными и менее сердечными. Но, неизменными в каждое утро, звучащими из их уст:

- Хлеб нас насущный, дай нам на сей день...!

Две смерти.

Тяжело осознавать, когда уходит из жизни человек. Ещё тяжелей осознавать, когда из жизни уходит человек без должного покаяния.

Это здесь, ходя по этой земле трудясь, дыша, надеясь на лучшее завтра можно не задумываться, что тебя ждёт после смерти. Но, когда приходит та дама с косой на плече, то каждый свою жизнь видит совсем по-иному.

Мне бы очень хотелось, чтобы мои рассказы были наполнены Божьим светом, полными жизнерадостности и оптимизма. Но, христианская жизнь многогранна и многообразна. И многое, что с нами происходит именно в определённый момент, мы не можем сразу уразуметь.

Сейчас я поведаю повествование о двух людях. Совершенно разные, как по характеру, так по полу, и по возрасту. И, даже больше того, они не были знакомы, когда ходили по этой земле, такие разные, но с очень схожими судьбами.

И лишь одно их объединит в вечности – это сильное пристрастие к алкоголю, которое привело к неминуемой кончине.

Я даже не стану придумывать им другие имена. Пусть будет так, как было.

Женя, уже немолодой, вечно плохо выбритый был изгнан из дома женой вплоть до развода. И, в свои пятьдесят лет стал БОМЖом.

Его жена, очень ревностная христианка, полна добродетели, долго терпела все его выходки. Но Женя, как говорят, превзошёл все нормы человеческого общения.

Жена его страдала сахарным диабетом. Сама нуждалась в постоянном уходе. Но, отказывала себе практически во всём, чтобы как-то угодить и привести в нормальное состояние своего непутёвого муженька.

Но тот, с поразительным упорством воровал из дома всё, что можно было продать и пропить.

Это беда, но жена как-то терпела, пряча от мужа всё, что можно было спрятать.

Однако, Женя на этом не остановился. Как-то в пьяном угаре он вообще решил покончить со своей женой. И когда у той был очередной приступ сахарного диабета, и она лежала без сознания, Женя, вместо того, чтобы набрать номер скорой помощи, взял подушку, и начал её душить.

Но, его жена была истинно дитя Божье.

Как только Женя взялся делать своё чёрное дело, у входной двери в квартиру раздался звонок. И, через мгновение в квартиру вошла соседка.

Вообще-то жена Жени редко запирала входную дверь. От каких воров защищаться, когда в квартире свой доморощенный вор по хуже пришлых.

Вот тут соседка и застала Женю за его преступным занятием.

Тот в испуге отскочил, пытался оправдаться тем, что пытался привести в чувство свою жену. На что, благоразумная соседка ничего ему не сказала. А просто взяла телефон и набрала номер скорой помощи.

И даже когда приехала скорая помощь, привела Женину жену в чувство, и тогда соседка нашла в себе мудрости дожидаться, пока Женя уйдёт куда-то по своим делам, и только после этого всё рассказала жене, что муж хотел сотворить с ней.

Это и послужило окончательным разрывом, разводом и изгнанием Жени из квартиры.

Имея возможность получить комнату в общежитии с места прежней работы, Женя предпочёл тому подвал.

Но, зато, стал часто посещать церковь, членом которой была его жена.

Даже больше того, в одно из утренних воскресных служений, он вышел к кафедре и, встав на колени, каялся перед Господом во всех своих совершённых грехах.

Можно ли это покаяние назвать искренним? Трудно сказать. Возможно, что в его сердце, кроме желания вернуть свою жену и жильё и были какие-то смутные надежды, что Господь его Сам избавит от страсти к алкоголю.

Но, жена, зная характер своего недавнего мужа, не приняла его даже после покаяния.

В той же церкви был брат, который горел желанием помогать БОМЖАМ и алкоголикам. Поговорив с женой, они приняли его в свою тесную, однокомнатную квартиру.

Ночёвки в подвале не могли не иметь своих последствий. И скоро вши в одежде бегали не у одного Жени.

Неделя мытья и борьбы с этими вредными насекомыми завершилась полной победой хозяев.

Но, победить сердце Жени оказалось много сложнее.

На первых порах он вёл себя очень хорошо. Ходил в малую группу, которую вёл тот брат, принявший его на своё попечение. Пытался даже учиться в заочной школе, чтобы лучше впитать мудрость Божью. Не пропускал ни одного служения в церкви.

И так прошло около двух месяцев.

Таким поведением он расположил сердце хозяина доверием к нему. Тот даже стал давать ключи от квартиры, чтобы Женя не стоял под дверью и не ожидал, когда кто-то из хозяев придут с работы.

Но, однажды, хозяин заметил, что не достаёт некоторых вещей. И тут он заметил, что, Женя-то не трезвый, хоть и старается бодриться.

После этого с Женей был серьёзный разговор. Тот сначала пытался всё отрицать. И свою причастность к пропажам, и в том, что он действительно принял пару стаканов горячительного.

Но, факты упрямая вещь.

Пришлось ему и признаться во всём, и согласиться, что это уже сверх меры, и обещать, что такого за ним больше не повториться.

Но, по истечении короткого времени хозяин не обнаружил мешка сахара, который был куплен буквально накануне. Но, зато нашёл совершенно пьяного Женю.

Ничего не оставалось делать, как выставить Женю за дверь, настрого запретив ему появляться на пороге этого дома.

Не смотря на происшедший инцидент Женя ещё какое-то время посещал малую группу и приходил в церковь на служения. Видимо, таким образом, пытаясь вернуть расположение брата.

Но, видя его непреклонность, оставил всякие надежды, вместе со всеми собраниями.

Прошло не менее полугода.

Однажды, спеша на семинар в библейский институт, который проходил на дому, брат увидел Женю куда-то спешившим со своим приятелем. Брат остановил его и поинтересовался:

- Как дела? Как живёшь? Добился ли места в общежитии?

Женя ответил:

- А что, хорошо живу. Зачем мне место в общежитии? У меня есть где жить. Всё у меня хорошо.

По тону его голоса понятно было, что Женя лукавит. Тем не менее, брат поинтересовался:

- Тогда, если у тебя всё хорошо, не думал ли ты вернуться к Господу? Продолжать посещать собрания? Разве плохо ощущать себя Божьим? Ведь всё в твоей жизни может наладиться.

- Нет, не сейчас, мне сейчас некогда, - оборвал диалог Женя, и быстро скрылся с приятелем в ближайшем подъезде.

На следующий день брат узнаёт, что Женя убит.

Приятель, с которым он был, делил с Женей свой кров. За что Женя должен был его постоянно поить.

А в тот день Женя получил свою пенсию. Но, не снял все деньги со своей сберегательной книжки.

Выпитого показалось мало. И приятель стал настаивать на том, чтобы Женя пошёл и добрал остатки.

Женя отказал ему. Тогда приятель стал бить его. И когда нанёс удар бутылкой по голове, это был последний удар в Жениной жизни.

Господь давал Жене последний шанс, послав на встречу ему того брата, который был готов делить с ним хлеб и кров. Лишь бы он научился жить с Господом. Научился быть человеком.

Но, он променял этот шанс на стакан водки. И не отвёл Господь руку убийцы.

Так прервалась жизнь Жени. И теперь, находясь в том месте, где тьма боль и ужас, он ничего не сможет сделать, чтобы изменить свою судьбу.

Второй человек, о котором я поведаю повествование – Света.

Её жизнь, как и жизнь Жени, исковеркала водка, плюс к тому ещё и наркотики.

Молодая, двадцати пяти-двадцати шести лет от роду, наряду с красивой внешностью и отличными формами тела имела отвратительный характер.

Но, понимая, что в своей жизни слишком далеко зашла в своих грехах, стала искать обратного выхода.

И вот попытки измениться самой, тем самым изменить ход своей жизни, привели её к Господу. Её покаяние, в отличие от Жененого, можно было бы назвать искренним. Она даже в этом направлении сделала решительные шаги, в одной из харизматических церквей приняла водное крещение.

Но, многое в том собрании не устраивало Свету. И она упорно искала что-то такое, на чём мог бы утвердиться её дух.

Это и привело её в малую группу, в которой она познакомилась с баптистским учением, а заодно и с христианином, который готов был ей помочь духовно возрастать.

На пути к её духовному росту стояли некоторые обстоятельства: она не имела прописки, не имела документов, была лишена родительских прав, и её дочка находилась в интернате.

Благодаря брату малой группы, которую посещала Света, она стала посещать и баптистскую церковь.

Одна семья, где была инвалид первой группы, приютили её и как сиделку, и даже как члена семьи. Братья и сёстры церкви очень хотели помочь Свете. И, в своём благом порыве, помогли выправить Свете документы. Когда она пожаловалась, что какая-то семейная пара из-за границы намерена удочерить её дочь, помогли ей, чем могли, чтобы она могла посещать дочь, собрав для этого средства.

И первое время Света старалась быть добросовестной христианкой. Даже делала некоторые успехи в познании основ духовных истин. Но, постоянная борьба с желанием выпить или уколоться, заставляли часто забывать её о молитве. И других просить, чтобы поддержали её молитвенно, она уже стеснялась. И так для неё много сделали, считала она.

Открывая Библию, она могла долго сидеть на одной странице, так и не прочитав ни строчки. Мысли её блуждали где-то далеко, навеивая «прелести» не столь далёкого прошлого.

Вскоре она стала замечать, что и братья с сёстрами не такие уж и хорошие люди. У одних она находила недостатки, а у других, если не могла найти, то придумывала их.

И те жертвования которые получала от них, стала на них покупать наркотики. И, в небольших дозах, чтобы было мало заметно, вводила их себе в организм.

Вроде бы, как она себя сама успокаивала, в этом нет ничего страшного и греховного. И ей хорошо, и братья с сёстрами ничего не замечают.

Но, братья с сёстрами это замечали. Но, как сказать Свете, чтобы ей не было обидно? Как это предотвратить? Не знали.

Вот однажды Света встретила с человеком, с которым в прошлом сожительствовала. Разговорились. Света рассказала, что посещает баптистскую церковь. Бывший сожитель в ответ рассказал, как он пытался прийти к Господу. У них даже нашлись общие знакомые, у которых они учились библейским истинам.

Вот у Светы и зародилась светлая мысль, привести этого человека к Господу. Только она пошла к намеченной цели уж очень своеобразным путём, который (по её мнению), был самым, что ни на есть эффективным и приемлемым.

Она сошлась с тем человеком.

Все истины, которые она вкладывала в свою голову всё это время, куда-то выветрились.

А уж такая истина, как «убегай от греха», вовсе была забыта.

Снова стала выпивать, употреблять наркотики.

Но, первое время, даже в пьяном угаре, пыталась рассказывать сожителю о Господе.

Молиться не забывала. Когда с сожителем открывали очередную бутылку водки, молились оба, просили Господа, чтобы Он им благословил эту «пищу».

Естественно собрания были забыты. Библия закинута. Началась та разгульная жизнь, от которой Света так стремилась уйти до недавнего времени.

Жить Света стала в доме своего сожителя.

Кроме них, в доме жила и его мать, которая так же была подвержена алкогольной зависимости.

Вот так, начиная с утра и до полного опьянения, они проводил дни за днями.

Но, алкоголь на что-то надо же приобретать. А из них, естественно, никто не работал. Кто возьмёт на работу человека, которого не возможно увидеть трезвым?

Дом, в котором они жили, трудно назвать домом. Он уже лет пятнадцать назад требовал капитального ремонта. И, конечно, из этого дома, уже нечего было выносить, чтобы обменять на

водку. Потому сожитель, в минуты просветления, ходил и воровал всё, что могло принести хоть малые деньги на чекушку. А повезёт, то и больше.

И, конечно, попал на очередной краже. И, хоть и брал по мелочи, но уже не первый раз был судим по этому поводу. Потому и не был прощён, был посажен.

Перед самым тем моментом, когда сожителя посадили, они посетили того христианина, который помогал в своё время Свете.

Тот их накормил, поговорил с ними. И, вроде бы они были совершенно не против вернуться к Господу. Даже сделали робкие шаги, пришли на собрание, где их тепло и с любовью приняли.

Но это был единственный и последний случай.

Уйдя с собрания, они погрузились в болото привычной рутинной жизни.

Когда посадили Светинового сожителя, то, чтобы отметить это событие, его мать достала где-то самогона. Где гналась эта отрава, у кого та женщина его приобрела, теперь уже никто не скажет. Потому что, выпив его, обе женщины скончались в тот же вечер.

Когда нашли их трупы, то гримаса жуткой боли, была написана на их лицах.

В доме, в тот вечер, кроме них никого не было. А, следовательно, вызвать скорую помощь было некому, чтобы помочь им.

И в этот раз Господь отвёл Свою руку помощи, так как чаша Его терпения была переполнена.

Почему я описал эти две жизни, практически с одним и тем же концом?

Сделал это я в надежде, что этот рассказ может попасть в руки именно того, кто в настоящий момент живёт без Господа, без надежды, в постоянном ужасе.

Духовный закон таков: то, что говорится дважды и происходит не однажды – есть Истина.

Вывод сделать не сложно. Начал жить с Господом, не уходи от Него.

Ну а коль отступил от Его тропы, то лучше быстрее вернуться.

И Господь простит, по великой милости Своей.

И, если каешься, то Господь ждёт от тебя, что ты оставишь грехи свои. Это Он признает истинным покаянием.

2Пет.3:9 «Не медлит Господь [исполнением] обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию».

Невеста.

Что самое трудное в жизни любой девушки? Наверное – это выбрать того, кто станет принцем всей её жизни. При чём здесь нет разницы, мирянка ли, верующая ли, и к какой церкви принадлежит.

Героиня этого рассказа (назовём её Вера), совершенно не исключение из правил. Достигнув тридцати двух летнего возраста оставалась добродетельной христианкой, стремящейся верно служить Господу, член церкви ЕХБ. Ко всему скромная, смиренная, красивая внутренне. Можно ли ещё что-то прибавить к её характеру? Но, думаю читатель уже представил себе некий идеал христианки.

Но, чтобы окончательно добить и заинтриговать читателя, даю детальный портрет Веры.

Бесспорно, очень привлекательна собой, симпатичное круглое личико со вздёрнутым носиком, обрамлённые волнистыми волосами, небольшие добродушные серые глазки с лёгким прищуром, пышные формы тела всё это не оставляли братья без внимания, которые тоже искали принцессу жизни.

И надо сказать, у Веры не было недостатка в поклонниках, которые предлагали ей руку и сердце. Но Вера тщательно перебирала среди своих поклонников, не зная сама, кому отдать предпочтение.

Среди них были и те, кто искренне желал ей счастье, и мог бы составить с ней прекрасную пару. Но в них вера находила массу недостатков, что те непременно получали от неё отказ.

Были и такие, к которым применимо слово – ветрогоны. С теми у Веры был вообще разговор коротким.

Так и шли дни за днями, превращаясь в годы. И тоска по семейному счастью смертоносной петлёй всё туже и туже стягивала и стягивала душу Веры.

«Принц» появился совершенно не ожидаемым образом.

Как-то раз, в вечернее время, Вера возвращалась с работы домой. За своей спиной она услышала торопливые шаги. Сердце почему-то тревожно забилось.

- Что это, страх? – вслух подумала Вера.

Тут же пришли на ум слова её преподавателя Библии: «Никогда и ничего не бойся. Ибо Господь всегда хранит нас в каких бы обстоятельствах мы ни оказались».

Но шаги за спиной явно преследовали её.

Боясь оглянуться, Вера ускорила шаг. Шаги за спиной тоже участились.

- Ничего не бойся, ибо Господь всегда охраняет нас, - шептала Вера, пытаясь унять сильное сердцебиение.

Вот уже и до дома осталось полквартиры. А шаги за спиной не прекращались. И улица пустынна в этот вечерний час.

Не выдержав напряжения Вера остановилась и обернулась. Преследовавший её тоже остановился.

Это был молодой, но уже лысоватый парень с добродушным приветливым лицом.

- Девушка, - обратился он к Вере: - вы не боитесь ходить одна в такой вечерний час?

- С чего же мне бояться? Меня Бог хранит!

- Ну мало ли, там пьяные, наркоманы...

- А что они мне сделают? Меня Господь хранит: - повторилась Вера.

Надо отдать должное парню, за время их разговора он ни сделал ни шага, чтобы сократить расстояние между собой и Верой. И это придало уверенности девушке, что она-таки хранима Господом.

- А вы не верующий? – в свою очередь спросила Вера.

- Ну как сказать, вообще-то я верю в Бога. Иногда бываю в церкви, там свечку поставлю, помолюсь Матери Богородице. Чаще всего это по праздникам. А так, ... одним словом, верю.

- А вы покайтесь? Приняли Господа как своего личного Спасителя? – обрадовалась Вера, что может засвидетельствовать о Господе этой грешной душе.

- А это ещё зачем? – Явное недоумение появилось на лице парня.

- Как это зачем? – Вера даже на миг растерялась от такого вопроса.

Но парень вдруг поменял тему разговора и предложил Вере:

- Знаете, что, давайте лучше я вас провожу до дома. А вы мне расскажете, зачем мне надо каяться.

А я тем временем послужу вам вместо охраны в столь поздний час, чтобы никто не пристал к такой красивой девушке.

- Что касается покаяния, то я вам с удовольствием расскажу, и почему необходимо каяться, и сделать надо это как можно быстрее.

Ну а за охрану, конечно спасибо, но думаю, это лишне. Ведь я уже сказала, что иду под охраной Самого Господа.

- Ну ладно, - сделал заключение из всего сказанного парень: - как говорят «бережённому Бог бережёт». Так что, идём? – закончил незнакомец подходя к Вере.

Они пошли рядом по безлюдной улице. И Вера очень старательно и подробно растолковывала парню, что он грешник, что наказание за грех – смерть. Так же рассказала, что Господь приходил на эту землю чтобы пострадать и спасти грешников от их греха.

Не скрыла от него и то, что все мы будем жить в вечности, только с той разницей, что если кто не примет Господа Иисуса Христа своим Спасителем, тот будет в аду, в огненном озере.

Уже дошли до подъезда Вериного дома, но ещё и там, около часа, Вера рассказывала парню о Господе, о покаянии, о разных случаях, которые случались с грешниками, которые не стали слушать Господа и не покаяться.

Парень же большей частью молчал в основном слушал. Другое дело слышал ли? Но вид у него был весьма сосредоточенный. И когда Вера сказала:

- Господи, я совсем заболталась, извините, но мне пара домой.

- А может пригласите на чашку чая, и за ним продолжим этот разговор? – предложил незнакомец.

- Нет, извините, с незнакомцами в ночное время одна в квартире я чай не распиваю. – Урезонила парня Вера.

- Хорошо, не настаиваю, - согласился с Верой незнакомец: - Тогда может и завтра разрешите проводить вас до дома?

- А откуда вы знаете когда я завтра буду возвращаться домой?

- Я думаю, что мне ваш Господь это подскажет, - отшутился парень.
- Ну, если Господь подскажет, тогда можно, - улыбнулась Вера незнакомому парню.

Закончилась трудовая неделя. По вечерней улице, шла Вера, а рядом с ней Сергей (так оказывается звали того незнакомому парня).

Теперь он её держал за руку, и они оживлённо разговаривали обсуждая (наверное) прожитый день. За это время Вера узнала, что они всегда с работы едут одним и тем же маршрутным автобусом. Там он и заприметил Веру, и она ему очень понравилась. Только он не знал, как к ней подойти и познакомиться. Вот он и решил в тот осенний безлюдный вечер отправиться за ней, даже не подумав, что этим может очень напугать девушку.

Когда их знакомство, как бы узаконилось, в тот вечер, они стояли у подъезда Веринаго дома, и она предложила:

- Серёжа, пошли в это воскресенье со мной в мою церковь?

- Не знаю, мне как-то не ловко. Я никогда не был в баптисткой церкви, – неуклюже пытался отговориться Сергей.

В это время вид у него был какой-то обречённый, взволнованный. Он нервно достал из кармана пачку сигарет, закурил.

- Серёжа, ты что, куришь?

- Да вот, как-то стеснялся раньше при тебе курить.

Вера и раньше замечала, что рядом с ней люди начинали вести себя не так, как обычно, не так, как это делали находясь сами с собой в своём окружении.

Например, её товарищи по работе, старались при ней не «крыть матом». Даже когда ругались, с появлением Веры в том месте, либо уходили, либо тут же меняли речь на более культурную.

Но, чтобы вот так стесняться закурить перед ней, так это было впервые. И Вера ничего не сказала Сергею. А только ласково взглянула на него.

Ещё через несколько недель всё-таки Вере удалось уговорить Сергея сходить на служение.

- Ну один раз сходим. Если не понравится, я больше приставать не буду.

Перед самой церковью Сергей опять занервничал, закурил. Вера ничего не сказала ему на это. И лишь, когда он выбросил окурок, тиха предложила:

- Ну что, пошли?

И уже у самой двери входа в церковь, Сергей вдруг встал как вкопанный, и каким-то неестественным голосом сказал:

- Ты знаешь Вера, пожалуй, ты иди. Я тебя здесь подожду.

- Ты что Серёжа? Там же простые люди. Такие же грешники, как и ты. Ну только спасённые грешники. Чего ты волнуешься?

- Нет, ты иди, а я тебя здесь ждать буду, я ещё не готов, - твёрдо возразил Сергей.

С недоумением взглянув на Сергея, так и не поняв, к чему это такому он не готов, Вера повернулась и вошла в здание церкви.

Это собрание она была крайне невнимательна. Практически не слышала ни одной проповеди. Совершенно не пела христианские гимны. Серёжа с его странным поведением надёжно засел у неё в голове.

Когда же закончилось собрание и Вера, весело разговаривая с сёстрами, вышла на улицу, Сергей стоял вдалеке у самого перекрёста, и курил. Тот тоже увидел Веру и помахал ей рукой.

Так у них и повелось, встречались всю неделю, говорили о чём придётся, а в воскресное утро Серёжа провожал Веру до дверей церкви, разворачивался и уходил.

И каждый раз, когда она выходила после собрания, он стоял всё там же у самого перекрёстка с неизменной сигаретой в руках.

Так незаметно пролетела осень, а затем и зима. Серёжа упрямо держался своей тактике. И Вера как-то к этому привыкла. И для неё стало как бы в порядке вещей, что Серёжа курил при ней, и то, что он не посещает собрания вместе с ней, а только, каждое воскресенье провожает до двери и уходит ждать на тот же перекрёсток.

Пришла ранняя весна. Начались полевые работы в сёлах на дачах и участках. Вокзалы стали похожими на улей в котором люди, как пчёлы, сновали, спешили и гудели. Тащили с собой «кравчушки», лопаты, вёдра и вообще не весть что, но что могло пригодиться для работы на земле. Не меньшую атаку претерпевали и загородные автобусы, осаждаемые желающими попасть на свои земельные участки.

У Веры в селе жил отец. Своё одиночество после смерти жены он так и не скрасил тем, чтобы привести в дом другую хозяйку.

Дети все повзрослели и разъехались в разные стороны. Но Вера каждую весну приезжала к отцу, помогая по хозяйству, копалась в огороде. Высаживала вместе с отцом картошку, лук, морковку и всё остальное, что можно было спрятать в землю до осени, пока это не даст урожай.

В этом году она так же решила ехать к отцу в село, и предложила Сергею сопровождать её. Тот с радостью согласился. И в ближайшие выходные они отправились в село.

После короткого знакомства, сытного завтрака они приступили к возделыванию огорода. Улучшив момент к Вере подошёл отец, кивнув подбородком в сторону Сергея сказал:

- А что дочка, у тебя не плохой вкус. Прекрасный жених. И работающий и парень видный.
- Что ты папа, какой он мне жених? Так, хороший знакомый. Да он и не верующий вовсе. Как я за такого выйду замуж?
- А что, сейчас только за верующих выходят замуж? – поинтересовался отец.
- Ну как же, я христианка, а он кто? У нас так не годится.
- Так выходи замуж. Глядишь, а там и он уверует. А то ты уже в годаходишь. Дотянешь, что я так и не увижу от тебя внуков.

Вера сочувственно взглянула на своего отца. Жалость к его одинокой жизни сжало её сердце. Но, ничего не ответила ему.

А мысль, которую заронил ей отец относительно замужества, вошла ей в душу. И она совершенно другими глазами стала смотреть на Сергея.

Они совместно стали навещать отца в селе. Сергей с ним даже сдружился. Помогал не только в огороде, но и в доме по хозяйству. Вместе ремонтировали забор, лазали на крышу заделывать появившиеся течи. Немного реставрировали сарай и скотник.

О чём они беседовали, только Бог знает. Но, в Сергее появился даже некоторый прогресс. В одно воскресенье он не только проводил Веру до церкви, но даже решительно вошёл внутрь. И когда после собрания Вера спросила его:

- Ну как, понравилось? – Сергей неопределённо пожал плечами.
- Ничего, так себе. Я всё равно ничего не понял.

Ближе к осени Серёжа начал разговор вот с чего:

- Вера, скорого год, как мы встречаемся. Можно сказать – юбилей. Может выйдешь за меня замуж. А то не до смерти же нам вот так встречаться и всё.

- А мы не умрём, - отшутилась Вера: - ведь ты же знаешь, мы вечные. Только там будем даже тогда, когда и поженимся по разные стороны. Конечно же если ты не покаешься, - добавила она, видя сконфуженное лицо Сергея.

- Давай пока останемся друзьями. А там Бог усмотрит.

Но, предложение стать женой понравилось Вере. Ведь раньше до того, так серьёзно, никогда и никто из её ухажёров не доходил. Повстречавшись какое-то время расставались. Она и не заметила, как её втягивало, как её всё больше и больше стало влечь к этому человеку.

Ей в нём нравилось буквально всё. Его манера говорить, его неспешность даже некоторая медлительность в действиях и словах. Даже его манера курить, медленно поднимая руку ко рту, с наслаждением втягивая этот пахучий зловонный дым и то стало нравиться Вере.

Но как выйти замуж за этого человека, когда он о покаянии и слушать не хотел. От него можно было услышать только одну отговорку:

- Погоди, я ещё не готов.

Тем не менее Сергей стал посещать церковь с Верой постоянно. Но каждый раз, когда его Вера спрашивала:

- Ну как, понравилось? – неизменно отвечал, пожав плечами:
- Не знаю. Я ничего не понял.

Так не заметно пролетело ещё какое-то время.

Улицы занесло снегом, прибавив работы дворникам и работникам дорожного хозяйства.

Тогда Сергей предпринял ещё одну попытку:

- Вера, мы с тобой и так почти неразлучны. Может подумаешь и дашь своё согласие выйти за меня замуж?

- Серёжа пойми, церковь не даст своего благословения. А как жить без благословения? Не будет хорошей жизни без Господа.

- А что надо, чтобы получить благословение? – не унимался Сергей.

- Как это что? Надо чтобы ты хотя бы покался и принял Господа в своё сердце. А лучше бы вообще крестился, дав Господу обет чистой совести.

- Вот видишь, сама говоришь «чистой совести». А как я могу дать обет чистой совести если курю, могу сто грамм выпить. С друзьями со словами не очень церемонюсь. Нет я ещё не готов. Мне надо как-то собраться, побороть себя, а у меня пока ничего не получается.

Надо сказать, что этот разговор был уже у Веры в квартире. Пришло время, когда она уже полностью стала доверять Сергею. И жалея оставлять его на улице в эти холодные зимние времена, да и сама не желая с ним быстро расставаться, решила принимать его у себя дома. Даже разрешила ему курить у себя на кухне, чтобы не выгонять парня в коридор, и тем самым привлекать внимание соседей, давая лишний повод для пересудов.

В этот вечер Сергей был настроен по-боевому, как никогда раньше. Раньше он как-то быстро соглашался с Верой и прекращал разговор о семейной жизни. Но, нынче он всё больше и больше распалялся, решительно противостоя отрицательным ответам Веры, находя свои аргументы и доводы.

- А от кого зависит это благословение, - решил закончить Сергей начатый разговор.

- Не знаю. Думаю, от пастора, или от братского совета.

- Ну, на братский совет я не рискну пойти, а к пастору можно было бы сходить.

На этом, по существу и закончился этот разговор. Говорили о разных пустяках, о завтрашней встрече, о вкусе чая, о погоде. Но, к разговору о свадьбе больше не возвращались.

Но, с того вечера этот разговор не давал Вере покоя, не выходил у неё из головы.

«А что если действительно пойти к пастору, - рассуждала она сама с собой: - ведь и в самом деле, года то у меня пролетают. Их не вернуть. Придёт и то время, может не так скоро (тут же успокоила она себя), когда никто на меня не захочет даже взглянуть. А хочется иметь свою семью, детей крошек малюток. А Серёжа мне нравится, хороший надёжный парень».

В очередной раз она сама подвела разговор про свадьбу. И когда Сергей предложил сходить к пастору, та согласилась.

Пастор, по личным вопросам членов церкви (и не только), принимал по вторникам. Но так как Сергей работал на частного предпринимателя, и ему приходилось порой работать по десять-двенадцать часов в сутки, то решили не рисковать и обратились к пастору в одно из воскресений после служения.

И хоть пастор их предупредил, что времени у него мало, но согласен их выслушать.

Из-за того, что времени у пастора было как раз в обрез, он выяснил основные причины прихода этой пары к нему.

Выяснил, что эта пара любит друг друга. Что Серёжа осознаёт себя грешником. Так же выяснил, что Серёжа осознаёт, что своими силами он не в силах победить грех, но пока не готов довериться Господу.

Пастор рассуждал сам в себе:

«Что же, этот парень похоже не очень испорчен временем. Вполне может произойти покаяние. Тем более, как они говорят, они вместе с Верой посещают служения. Да и Вера хорошая христианка, вполне может повлиять на него. И Веру понять можно, года не те, чтобы перебирать, или безропотно чего-то ждать».

В слух же сказал:

- Черпая мудрость из Священной книги Библии, я знаю, что нельзя чтобы соединились верующий с неверующим. Тебе Серёжа необходимо покаяние. И не потому, что ты любишь Веру и только ради этого покаяться. А потому что это ты должен приобрести спасение. Если ты хочешь взять в жёны Веру, ты должен осознать, что беря её, ты становишься главой семьи. И тогда уже жена должна у тебя учиться.

А чему ты сможешь её научить?

Дальше помни, любовь – чувства, это только в сказках. В жизни любовь – это постоянная борьба с самим собой. Любить – значит отдавать себя другому полностью без остатка. Любовь – это самая большая жертва. Силы на это даёт только Господь.

И, поверь мне, никакие человеческие морали, никакая человеческая этика не способствуют укреплению семейных уз.

Только Господь Иисус Христос делает союз двух надёжным, крепким и не рушимым.

Но пока ты не принял Господа своим Спасителем пока не черпаешь мудрость из Книги книг я не могу дать ни согласия, ни благословения на ваш брак.

Но я надеюсь, что в скором времени ты сделаешь правильные шаги к своему счастью, - добавил пастор в конце этой беседы.

- Вполне возможно, - ответил Сергей, почему-то пряча свой взгляд, устремив его в пол.

С разными чувствами вышли Сергей и Вера из кабинета Пастора. Глаза Веры сияли, предвкушая счастливое будущее, Сергей же был угрюм и сосредоточен.

После посещения пастора Вера ещё недели две робко подходила к нему с бьющимся сердцем и кротко спрашивала:

- Так может нам всё-таки можно с Сергеем расписаться?

- Сестра Вера, - неизменно отвечал пастор: - я думал, что этот вопрос давно решён и закрыт.

Мирскую мудрость в этом вопросе проявил Сергей. Сколько-то подождав, вдруг пастор передумает и благословит их, в один день предложил:

- А для чего нам благословения какого-то пастора? Кто он? А давай возьмём благословения у твоего отца. Думаю, он много роднее для тебя, чем тот пастор.

На это Вере нечего было возразить.

И вот, ранней весной Вера и Сергей расписались. Ближайшие друзья Веры из церкви хоть и не были приглашены на это торжество, но собрали ей подарок и принесли в здание ЗАГСа.

После свадьбы Серёжа ещё посетил с Верой несколько собраний, а потом исчез.

Через какое-то время и Вера стала пропускать собрания. Когда у неё её друзья спрашивали:

- Что происходит? – Та неизменно отвечала:

- Да всё хорошо. Просто работа у меня такая. График. Не всегда выпадает на воскресенье выходной.

Но, через какое-то время она и вообще перестала посещать собрания.

Это длилось больше года.

Но, однажды Вера появилась на собрании. Не умело завуалированный синяк под глазом очень ярко характеризовал её семейную жизнь.

На настойчивые просьбы друзей рассказать, что всё-таки происходит в её жизни, она расплакалась и рассказала:

- Первое время Серёжа был и заботливым, и внимательным. Но потом что-то в нём преломилось. Со временем он вообще превратился в какого-то зверя. Запрещает мне молиться в его присутствии даже перед едой. За то, что я сказала, что Бог наше счастье и охрана, он ударил меня. Я не знаю, что случилось. Как будто мне подменили Серёжу.

Не могла понять Вера, что Сергей наигрался в семейного. Вера для него была уже не тайной, а доступной в любое время женщиной.

Он стал замечать и её недостатки. То раскинутое по утрам нижнее бельё, то не вовремя вымытую и убранную посуду.

Обратил внимание и на то, что Вера готовит плохо. А где ей было учиться? Мать рано умерла.

Так незаметно в душе Сергея любовь заменилась любой ненавистью. Он совершенно не помнил наставления пастора, который не дал им благословения на брак, не помнил, что тот предупреждал, что любовь – это не чувство, а труд самопожертвования.

Ну не хотел Серёжа жертвовать собой ради этой Веры. Достаточно того, что набегался за ней до свадьбы, угождая её религиозной дури.

Это история так и закончилась. Вера ушла от Сергея.

И однажды, сидя в своей однокомнатной квартире, открыла Библию. В глаза бросились строки:

«Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего света с тьмой?»

И поплыли воспоминания о недавних событиях. Вспомнилось, что когда она приходила со свидания с Сергеем, открывала Библию, неизменно именно эти строки попадали ей на глаза.

Господь постоянно пытался остановить Веру от необдуманного шага.

Почему же она была так слепа?

Тот, кто думает, что портрет сатаны – это кровавые глаза, ужасные рога и клыки из пасти, со злобным угрожающим лицом, тот глубоко заблуждается.

По сути, таков может быть внутренний портрет этого творения.

Но облик его, чаще всего, обворожительный. Смотрит он добрыми глазами, пряча свою злость и ненависть за милой приятной улыбкой.

Говорит всегда льстиво мягким приятным голосом, самые изысканные речи.

Будь это иначе, стала бы Ева в начале пути человечества находясь в саду Эдема, вести диалог с ним?

Но когда это творение добивается своего, то всю злость своего духа изольёт на жертву, стремясь совершенно уничтожить попавшегося в его «сеть».

Немало случаев, когда свою жертву сатана доводил до алкоголизма, или подсаживал на наркотики. Другого доводил до самоубийства.

Как понять, кто перед тобой. В том человеке, который повержен силами зла, всегда будет что-то не так.

И сколько этих «не так» было в Сергее!

Но льстивый голос сатаны непрерывно звучал в ушах Веры, заглушая голос разума.

И лишь, когда он опутал, связал жертву, тогда показал своё истинное прячущееся лицо с клыками и злобными глазами.

Целитель.

Часть 1

Трудно так сразу сказать, была это или очередная фантазия, но то, что происшедшие события зарегистрированы в одной из клиник Киева, то это факт, который трудно оспаривать.

Двум братьям по вере, Андрею и Виктору из церкви христиан веры Евангельской пришлось на сердце посетить одну из больниц города Киева. Они взяли в свои сумки христианских трактатов и немного другой христианской литературы, и отправились туда, куда их приведёт первый подошедший троллейбус. И когда услышали голос водителя, объявивший по громкоговорителю: «Остановка, районная больница», - с лёгким и радостным сердцем, покинули троллейбус.

Перед входом в больницу, братья взялись за руки, и как это принято, помолились Господу, прося Его благословения на это служение.

В справочном бюро молоденькая шустрая девушка с рыжей чёлкой очень живо отреагировала на предложение братьев, рассказавших ей, что они хотят посетить больницу с целью проповеди слова Евангелия и раздачей духовной литературы. Только попросила, чтобы братья обратились к заведующему этого медицинского учреждения.

Делать нечего. Братья снова прилежно помолились и отправились в кабинет, который им указала девушка из справочного бюро.

На их стук в дверь и прозвучавший голос с другой стороны, братья вошли в кабинет.

Их принял человек невысокого роста, но довольно объёмной комплекции с добродушной улыбкой, с большим лысым лбом, приветливыми светло-голубыми глазами.

Но, когда он выслушал просьбу братьев, лицо его слегка нахмурилось:

- Вы думаете это надо больным? – спросил он.

- Ну как же, - стали убеждать его братья: - ведь вы исцеляете тело, а наша задача исцелять души.

Мы думаем, что и для вас не секрет, что когда здоровый дух, то и тело будет здоровым.

- Не знаю, - отреагировал на это заведующий больницей: - до сих пор я считал, что в здоровом теле здоровый дух.

На мгновение задумавшись, заведующий предложил:

- Однако, попробуйте. Чем чёрт ни шутит. Может быть и ваш Бог что-то может. Последнюю фразу заведующего братья скромно пропустили мимо ушей, радуясь тому, что получили разрешение на своё служение. Заведующий позвонил по внутреннему телефону и, через несколько минут в кабинет вошла высокая худая женщина лет сорока. Строгое лицо, чёрные пронизательные глаза. Аккуратно зачёсанные чёрные волосы, стянутые резинкой на затылке хвостиком покрывал белоснежный докторский колпак. Заведующий обратился к ней:

- Прасковья Викторовна, отведите этих молодых людей в отолоренгическое отделение. Пусть ходят там, поговорят с нашими пациентами, подарят им то, что решили подарить. Ну и в общем, чтобы был порядок.

Прасковья Викторовна молча кивнула головой, показала жестом братьям, чтобы следовали за ней и вышла из кабинета. Братья последовали за ней, стараясь пристроиться к её шагу, так, чтобы не обгонять и не отставать. Прасковья Викторовна шла молча, и братья не решались задавать ей какие бы то ни было вопросы, как-то не уютно чувствуя себя в присутствии этой молчаливой женщины. Так, в полном безмолвии они дошли до вышеуказанного отделения. Остановившись у дверей отделения, Прасковья Викторовна впервые заговорила:

- Пришли, в этом отделении двадцать четыре палаты. Вам на сегодня хватит обойти эти. Старайтесь больных не волновать. Всё-таки они больные. Андрей и Виктор, в знак согласия, закивали головами.

А Андрей отважился спросить:

- А, вы что, не пойдёте с нами? Может быть и вам было бы полезно послушать проповедь Евангелия.

- Эх юноша, - вздохнула Прасковья Викторовна: - за каждый вечер от своей пятилетней внучки я такие проповеди наслушаюсь, что на три таких больницы хватит.

Чуть помедлив, добавила:

- Вы уж тут как-то сами. Будут вопросы, в отделении есть медсёстры, обращайтесь к ним. Они помогут.

Братья вошли в отделение, постучались в дверь палаты, которая оказалась первой на их пути. На голос: «Да, да», - вошли в палату. В ней оказалось три человека. Два из них в преклонном возрасте, одни до тридцати лет.

- Здравствуйте, - приветствовали их братья: - мы христиане. Пришли рассказать вам о Господе Иисусе Христе. Принесли вам весть, которая должна ободрить ваш дух, и должна помочь исцелению вашей плоти, - начал Андрей.

- А, какой вы веры? – спросил один из престарелых.

- Мы христиане, верующие в Господа Иисуса Христа, - ответил Виктор.

- Знаем мы вас христиан! Все так говорят: мы христиане, - язвительно заметил тот же престарелый. –А как коснётся, то штунды, а то и вообще не ведомо кто.

- Но, мы-то хотим рассказать вам о том, что Бог вас любит, - пытался как-то вывести разговор в нужное русло Андрей.

- То и вижу, как любит, что я годами из больницы не вылезаю, - продолжал гнуть свою линию старик.

- Но, вы же не обращались к Богу, чтобы Он вас исцелил. – Пытался спасти диалог Виктор.

- Да где ваш Бог? И что Ему до моих болячек? – отмахнулся старик,

В конце добавил:

- Идите сынки отседава. Может кому ваш Бог и нужен, а мы и так будем скрипеть, пока Бог силы даёт.

- Вот видите, Бог даёт, сами же сказали, - обрадовался Виктор последней фразы старика.

- Так это так говорится. А так кто толком знает, кто что даёт. Идите, идите сынки, не мешайте отдыхать.

Делать нечего, братья вышли в коридор и направились к другой двери. В этой палате были женщины. Но и с ними состоялся примерно тот же разговор.

Прошли ещё несколько палат. Попадались и такие, которые задавали некоторые вопросы, касающиеся Писания. Но, большей частью интересовались какой они веры, какую церковь посещают, и дальше этого духовная беседа не шла. Братья покидали очередную палату. В целом народ высказывал озлобление и недоверие Господу.

Удалось в некоторых палатах оставить сколько-то брошюр и трактатов.

И вот они вошли в палату номер семь. В ней находились четыре женщины. Две из них молодые, а две в солидном возрасте. В углу у окна лежала женщина, свернувшись «калачиком». Когда братья вошли, она будто и не слышала, что посторонние оказались в палате.

Братья уже не так уверенно начали диалог:

- Мы христиане. Принесли вам немного литературы. И хотим рассказать, что Бог вас любит. – Начал Андрей.

- А, какую вы принесли литературу? – оживилась одна из молодых женщин.

- Да вот тут трактаты, брошюры, - начал говорить неуверенно Виктор.

- Господь помогает всем, - поддержал диалог Андрей: - Когда Он ходил по земле то исцелял больных, кормил голодных, даже умерших воскрешал.

- Говоришь, даже умерших воскрешал? – вдруг спросила женщина, которая лежала у окна свернувшись «калачиком».

- Да, воскрешал! – обрадовался Андрей, что ещё одна женщина заинтересовалась их рассказу.

- Так что, а сейчас ваш Бог ослаб? Не может исцелять, кормить, покойных поднимать? – опять спросила женщина.

- Почему же не может? Господь вчера, сегодня и во веки Тот же», - заучено выпалил Андрей.

- Молодой человек, я уже сорок лет в баранку скручена. Ни ходить, ни лежать. Что же Он меня не раскрутит? – опять спросила женщина.

Андрей подошёл к её кровати:

- А, вы общались к Нему? – неуверенно спросил он.

- А, как же, обращалась. Когда плохо, к кому нам ещё обращаться?

- А, вы обращались с верой, или так, на всякий случай?

- Да кто его знает? Обращалась и всё.

- А, вы верите, что Иисус Христос может сегодня, сейчас вас исцелить? – не сдавался Андрей.

- Верю! – неожиданно для братьев заявила женщина.

- Тогда..., - Андрей взглянул на Виктора.

Тот совершенно растерялся, не понимая, куда клонит его друг.

- Тогда, - повторил Андрей: - Витя, брат, подойди, помолимся, чтобы сегодня Господь явил Свою силу, и эта женщина была исцелена.

Не уверенной походкой Виктор подошёл к кровати той женщины.

Братья преклонили колени, возложили руки на женщину, и Андрей начал молитву:

- Дорогой Небесный Отец, во имя Господа Иисуса Христа мы сейчас склоняемся перед Тобой в великой просьбе, исцели эту женщину, которая вот уже сорок лет страдает от своего недуга. Яви святость Свою, ибо она уповает только на Тебя. Коснись её духа Своей исцеляющей рукой. Прости все её прегрешения ради Святого имени Твоего. И яви Свою Святую волю исцелив её.

Прозвучали последние слова молитвы. В палате воцарилась полная тишина. Она длилась какое-то мгновение. Но, казалось прошла целая вечность.

И вдруг раздался явный резкий хруст костей. Женщина вскрикнула от ужасной боли.

Опять воцарилась тишина.

Братья так и оставались на коленях с закрытыми глазами.

И вдруг раздался крик. Но, это был крик ликования:

- Здорова, здорова, я здорова!!!

Женщина легко соскочила с кровати.

Поднялись с колен и братья. И, даже весьма вовремя. Потому что женщина пошатнулась и чуть не упала. Вовремя братья подхватили её пол руки.

Но, это произошло потому что, для женщины, привыкшей к своему скрюченному состоянию, новое положение тела было ещё в новинку.

Ещё какое-то мгновение, женщина справилась со своим новым состоянием, отстранившись от братьев, воскликнула:

- Смотрите, я стою, я стою ровно!

- Ой, Боженька святой, это же надо! Вот это чудо! Ну дела...! – загомонили женщины в палате.

Поднялся такой шум, что прибежала дежурная сестра.

- Что здесь произошло? Товарищи христиане, что здесь за безобразие творится?

Потом взглянула на женщину, которая стояла прямо. Высокая, красивая, с глазами, сияющими счастьем.

- Ой, Варвара Степановна, что это с вами случилось? Как вы встали? И стоите прямо!

В палату, привлечённые шумом, стали заглядывать и другие больные, находившиеся в коридоре. В отделении поднялся такой невообразимый шум, что прибежала и заведующая отделением Прасковья Викторовна.

- Я же предупреждала, - начала она, обратившись к братьям. Но, взглянув на Варвару Степановну, осеклась на полуслове. Её чёрные глаза широко раскрылись, а рот, от удивления, так и остался открытым. И только через минуту она смогла вымолвить:

- Такого не может быть!?

Через короткое время в палату влетел и заведующий больницей.

Трудно сказать, как до его кабинета долетел тот шум, если отделение и его кабинет разделяли три этажа.

Тем не менее, он интенсивно стал крутить Варвару Степановну, как будто желал её вернуть в прежнее состояние. Он гладил её по спине. Для чего-то прощупывал ключицы. При этом беспрестанно повторяя:

- Не вероятно, совершенно не вероятно, такое в принципе не возможно!

Через полчаса братья выходили из отделения.

Из всех палат вылезали, выползали, выкатывались больные. На костылях, на инвалидных колясках, прихрамывая, сгорбленные, скрюченные, с самыми невероятными уродствами от болезней. Все те, кто практически выставляли из своих палат братьев, желающих им поведать о любви Божьей, чтобы подарить надежду о лучшем будущем.

И, провожая братьев, с гордо поднятой головой, шла Варвара Степановна, олицетворяя собой силу любви, славы и милости Божьей, славу Господа Иисуса Христа.

Часть 2.

На этом можно было бы и завершить повествование о чудесном исцелении в одной из районных больниц города Киева. Но, у этой истории оказалось и продолжение.

Прошло больше месяца. Варвара Степановна стала регулярно посещать собрания церкви евангельских христиан баптистов. Даже привела в собрание свою соседку Анастасию Лукинишну. Та же, слушая проповеди, постоянно что-то конспектировала в свою тоненькую ученическую тетрадь.

И, с нескрываемой гордостью и некоторым волнением, за ними постоянно наблюдал брат Андрей.

Однажды, после собрания, он подошёл к брату Виктору и сказал:

- Брат, у меня есть предложение...

- Что, опять в больницу? – высказал догадку Виктор.

- Нет брат, больница, пожалуй, будет мелковато. Я тут недалеко за городом присмотрел домик. Его, практически, за бесценок отдают. Давай возьмём тот домик, сделаем христианскую лечебницу. И будем исцелять больных силой Божьей, по их вере.

- Подожди Андрей, а почему ты уверен, что это угодно Богу? И почему ты уверен, что будут ещё исцеления? – пытался остановить Виктор пылкие фантазии брата.

- Да всё просто, все, кто будет к нам обращаться, обязаны верить, что Бог их исцелит. Тогда непременно на то будет воля Божья.

- Не уверен. Быстрее всего, они будут думать, что их исцеляет Андрей. – Пытался урезонить брата Виктор.

- Значит ты не со мной? Ладно, тогда я сам. – Закончил разговор Андрей.

И, через некоторое время, в предместье Киева, на одном маленьком домике, появилась вывеска «Христианский центр лечения «Приходите ко Мне все труждающиеся и обременённые».

Сейчас трудно сказать, как такая, не больших размеров, не броско написанная вывеска привлекла народ.

Может слухи о чудесном исцелении Варвары Степановны, а может просто тяга простого народа к чудесам разного рода, но, буквально через месяц, у этого маленького домика, уже была нескончаемая очередь из нуждающихся в исцелении. Ехали сюда: дизелем, приходили пешком, приезжали на автомобилях всевозможных марок, от отечественного «Запорожца», до импортного «Мерседеса». Стояли под палящим солнцем, под проливным дождём. Переносили голод и утомления. И всё за ради чего?

Во всяком случае, не слышно было, что где-то и как-то были зафиксированы чудесные факты исцеления именно в этой лечебнице.

Одни выходили из заветной двери с радостным настроением. Видимо «лекарь» подобрал для них нужные слова. Другие чертыхались и плевались. И теперь не предугадать, чем бы эта целительная акция завершилась, но...

Некто Вадим, член церкви ЕХБ, имел не верующего родственника. Всякие увещевания и проповеди, никак не касались сердца родственника. Хотя, Вадим очень старался довести до него всю трагедию его жизни, если он не примет Христа как Господа и своего Спасителя.

Но, однажды его родственник (назовём его Валера), пришёл к Вадиму. Вид у него был убитый и потерянный:

- Знаешь Вадим, я сдал анализы и у меня нашли рак. Что делать? Как теперь мне быть? Я ещё не стар, и умирать ох уж как не хочется. Подскажи, что делать?

- Что я могу посоветовать тебе Валера? Ведь ты не внимаешь словам, которые я тебе говорил. Есть немало свидетельств, когда Господь исцелял от болезней, куда хуже даже рака.

- А что может быть страшнее рака? – поинтересовался Валера.

- Ну ладно, не о том речь. Речь о том, что тебе надо уверовать, тогда сможешь получить исцеления. И то не факт, что будет исцеление. Ведь на всё воля Божья. Но, зато, уж точно, что ты обретёшь уверенность в своём вечном будущем.

- А как мне уверовать?

- Прежде всего, покайся пред Господом в своих грехах. Потом проси о Его милости к тебе и исцеления.

Хотя, постой, тут я слышал, под Киевом, есть христианский целитель. Обратись к нему, может он чем и поможет.

И Валера достаёт адрес целителя. И, полный веры и надежды отправляется к нему на приём.

Встаёт в длинную очередь, терпеливо отстаивает, отсиживает, отшагивает вдоль забора взад и вперёд, четыре часа, силой воли заглушая боль в желудке. От разыгравшейся болезни мутнеет рассудок. Но, терпит всё, веря, что всё это скоро будет позади.

И вот он у двери. Входит в полутёмную комнату, в которой принимает христианский целитель брат Андрей.

На своё скромное «здравствуйте», слышит не приветливое «ну что там у вас»?

- Вот, - начал неуверенно Валера: - у меня признали рак.

- Ну так что?

- Вот я приехал, чтобы вы меня исцелили.

- Первое, - заметил Андрей: - исцеляю не я, а Господь по твоей же вере. Второе, какой сегодня день недели?

- Среда, - подавленным голосом, совершенно сбитый с толку и растерянный, чуть слышно сообщает Валера.

- Вот, среда. А я, такие болезни исцеляю только по субботам. Так пошёл отсюда.

Окончательно сбитый с толку Валера забыл и за боль в желудке, почти бегом выскочил из дома.

Шагая на станцию, чтобы сесть на электричку, еле сдерживал волну негодования, возмущения и растерянности.

Что характерно, от этого стресса, он и не заметил, и лишь, когда сидел перед своим родственником Вадимом, жалуясь на того горе целителя, обратил внимание, что боли в желудке вообще куда-то исчезли.

Но, к сожалению, это не было исцелением. Ибо, буквально через пару дней боли вернулись и с удвоенной силой.

И снова Валера стал ходить по врачам, и везде, где только предоставлялся случай, рассказывал о своём походе к тому целителю.

И опять-таки, не возможно объяснить тот феномен, как и такие слухи с быстротой ветра, разносятся среди народа.

Очередь у домика целителя заметно поубавилась. А ещё через короткое время, совершенно утих гомон перед этим «чудотворным» сооружением.

Эпилог.

В одно воскресное утро, в церкви христиан веры Евангельской, у кафедры, перед всей церковью стоял брат Андрей с низко опущенной головой.

- Братья, сёстры, простит меня Господь, простите меня и вы. Гордость и самоуверенность побудили меня на необдуманный поступок. Я совершил великий грех.

После того чудесного исцеления, которое произошло в больнице с Варварой Степановной, я решил, что Бог даровал мне силу исцелять. И купил домик где практиковал исцеление.

Уже через месяц я понял, какой крест взвалил себе на плечи.

Свободного времени для себя совсем не осталось. Весь день, и даже в ночи, у домика толпился народ. Ни поесть, ни помыться, ни побриться толком не возможно. Всё наспех. А уж помолиться, почитать слово Божье, то и вообще речи быть не могло.

А народ приходит, практически все неверующие, а суеверные.

Пытался по началу убеждать, что только вера может вершить чудеса, только такое даяние от наших сердец принимает от нас Господь, взамен на ваше же исцеление.

Но, они почему-то надеялись на меня и мои молитвы.

Постепенно из моего сердца ушли сочувствие и сострадание к этим людям. Я стал ненавидеть и бояться каждого, кто приходил за исцелением. Бог лишил меня сна, и ужасы стали преследовать меня каждую ночь.

И вот теперь я стою перед Господом и перед вами в глубоком раскаянии рассчитывая только на милость Господа и ваше понимание.

Прости меня, Господи! Аминь.

Вся церковь встала, воскликнув – Аминь!

Валера же стал братом Валерой, придя в церковь ЕХБ «Дом Евангелия». Нашёл в себе мужество покаяться и довериться Господу.

Вся церковь молилась о его исцелении, и Бог совершил это чудо.

Но, только этот факт не получил широкой огласки.

Да и как иначе? Ведь не один целитель, а целая церковь молилась о том исцелении. А это сейчас, как в порядке вещей.

Червонец

Этот рассказ можно было бы назвать весёлым, если бы в нём не было столько грусти. Но, это жизнь, которая сплошь и рядом состоит из парадоксов и противоречий.

Вот где-то, что-то подобное и происходило с братом Костей.

Весёлый парень, из простой рабочей семьи, сначала был призван в армию, где попал в войска специального назначения. Имея справедливость в своём сердце, однако повидал много невинных смертей и немало крови.

А когда через десять лет познал Господа и отдал Ему своё сердце, то, через какое-то время, из-за своего глубокого чувства справедливости, был отлучен от церкви. И уже вселенское чувство справедливости решило так, что Костю восстановили в церкви, но, как это уже заведено, забыли попросить прощение.

И, опять-таки, обострённое чувство справедливости побудило Костю взять в жёны девушку инвалида.

Инвалидом она стала на производстве. Там ей оторвало руку по локоть.

Случилось так: рука попало в шнек. И, стремясь её вытащить, она пыталась помочь второй рукой.

И на второй руке шнеком были отрезаны пальцы от мизинца до указательного.

Но, тем не менее, Костя очень любил свою жену, и был безмерно счастлив, когда она ему родила трёх сыновей.

И бессонные ночи у колыбелей детей, на протяжении трёх лет (по мере рождаемости каждого), и постоянный уход за женой, которая нуждалась во всём, от купания, до одевания, не сломили жизнерадостный характер Кости.

Но, надо сказать, что и Господь посылал постоянную удачу брату практически во всех его делах.

Маленькую квартирку они обменяли на огромный дом, и причём почти за бесценок.

Дело в том, что этот дом принадлежал какой-то местной ведьме. И когда та умерла, три семьи вселялись в этот дом, и, через малое время, в срочном порядке выселялись из него.

Пользуясь дурной репутацией, этот дом так стоял в запустении долгое время. И жители той улице, в вечернее время, с суеверным страхом, старались пройти этот дом, как-то стороной.

Через неделю после новоселья к ним зачастили соседи. Как-то неуверенно входили в этот дом, со страхом осматривались вокруг и, почему-то, чаще шёпотом, спрашивали:

- Ну как вам здесь живётся? ничто не тревожит? Особенно по ночам?

- Нет, - отвечали им новосёлы.

- Странно, - обычно констатировали соседи такой, казалось бы, обыденный факт.

Самой большой ценностью для Кости, была земля, целых шесть соток у дома. И его слабость была, выращивать картофель. О нём Костя знал, буквально всё. Какие существуют сорта. Как и какой и когда каждый сорт высаживать. Как поливать, удобрять, окучивать. Днями мог Костя возиться на своём небольшом клочке земли.

И он, со своих шести соток, собирал урожай в четыре раза больший, чем окружающие его соседи с двенадцати соток.

- Ни бы колдует! – перешептывались между собой соседи.

Находил брат ещё силы нести служение в церкви, которую они всей семьёй посещали.

Не высокого роста, слегка полноватый, с нисходящей улыбкой с полных губ всегда и везде и всем нёс хорошее настроение и радость, и уверенность. Рядом с ним мир казался прекрасным.

И вот одно, по истине прекрасное утро, после семейной молитвы в которой Костя благодарил за начатый день и ту радость, которую несёт этот день, его жена Оля сказала ему:

- Вообще-то, Костя, радости может быть мало в этот день. У нас хлеба, только на завтрак. А что будем обедать, так и ума не приложу. В доме, хоть шаром кати.

- Ничего, - ответил Костя: - Бог усмотрит.

Подкрепившись лёгким завтраком, Костя вышел на свой земельный участок, прихватив с собой лопату и хорошее настроение.

Попросив благословения на свой труд, воткнул лопату в землю. Раз пять воткнул. И вдруг с лопаты соскользнуло что-то маленькое и блестящее.

Костя поднял с земли и положил на ладонь маленькую монетку. Начав рассматривать её, сетовал про себя:

- Это же надо, чуть больше двух копеек, а пишут десять рублей! Ну и ладно, пойду в дом, похвастаюсь Оле этой находкой.

Дома, они всей семьёй рассматривали Костину находку. Положа её посреди стола, каждый бережно брал в руки и, рассмотрев, передавал другому. Один из сыновей Кости, даже на зуб попробовал, как будто что-то смыслил в драгоценном металле.

Оля, рассматривая с Костиных рук монетку, робко спросила:

- И сколько может стоить эта крохотуля?

- Ну не знаю! Думаю, гривен пять.

- Так пойди и сдай её. Хоть на обед будет что-то в доме.

«Резонно рассуждает», - подумал Костя, в слух же сказал:

- Пойду одеваться в город. Может и в самом деле Господь что-то милует нам на обед.

Одевшись в самое лучшее, повязав даже галстук, чтобы выглядеть представительным, Костя отправился в город.

Идя в город, к одному из ломбардов, Костя рассуждал: «И как узнать реальную стоимость этой монетки, чтобы не продешевить? Может десять и стоит десять? А я за пять отдам!»

Трудно сказать, может мудрость – это природная черта Кости, или Бог послал ему её свыше, но Костя нашёл выход.

Пришёл в ближайший ломбард, спросил у приёмщика:

- Сколько может стоить монетка, такая маленькая, видимо золотая. На ней десять рублей выбито.

Приёмщик посмотрел на Костю удивлёнными глазами и спросил:

- Что, сдать хочешь, или просто так интересуешься?

- Да у моего соседа, после отца осталась такая монета. А он сейчас в затруднительном положении. Узнал, что я в город иду, вот и попросил поинтересоваться, - решил Костя сказать неправду.

- Ну, так-то мне трудно ответить. Надо видеть монету. Её состояние, вес, пробу.

А так, приблизительная цена, гривен пятьсот, пятьсот пятьдесят.

Изумление и радость волной охватили Костю. Но, внешне он оставался спокойным.

Вежливо поблагодарив приёмщика, отправился в другой ломбард.

Там он подошёл к стойке, как великий знаток ценностей, деловым тоном спросил у тамошнего приёмщика:

- Вы как, монеты принимаете?

- Что за монета? – спросил тамошний приёмщик будничным, ничего не выражающим голосом.

- Да вот, червонец золотой. – небрежно вымолвил Костя.

Когда он достал и подал монету приёмщику, по лицу того было видно, как заблестели его глаза, и эти эмоции было трудно скрыть.

Тем не менее, деловито медленно, с великим чувством собственного достоинства, тот принял из рук Константина монету.

Сначала рассматривал монету так, потом нацепил лупу. Потом бросил на весы, которые стояли тут же на стойке. И затем сказал:

- Ну что же, монетка хорошая. Предлагаю за неё четыреста пятьдесят гривен.

- Сколько? Четыреста пятьдесят говоришь? – переспросил Костя: - Хорошо, дайка обратно мою монету. Пожалуй, я её в другом месте сдам.

Когда получил монету назад, повторил:

- Я её в другом месте сдам. Есть подозрение, там больше дадут.

- Как же, жди, дадут! – пытался как-то спасти свой престиж приёмщик: - Да знаешь ли ты, что у нас самые высокие цены в городе!?

- Самые высокие говоришь? Тогда как же это получается, что монета тянет на шестьсот гривен, по вашим высоким тарифам получается всего четыреста пятьдесят?

- Да ладно, - не сдавался приёмщик: - добавлю десятку.

- Десятку? Подожди приятель. Если я точно знаю, что ей цена шесть сот гривен. – настаивал на своём Костя.

Приёмщик глубоко вздохнул. Теперь весь его вид показывал, что он не хочет терять этот товар.

- Ну ладно, пятьсот пятьдесят, - согласился приёмщик.

- Пятьсот восемьдесят, - поднял цену Костя.

- Пятьсот семьдесят и всё. Больше этой сумму уж точно тебе никто, нигде не даст.

- Хорошо, согласился Костя, - пусть будет пятьсот семьдесят.

Домой Костя вошёл, пряча за своей широкой спиной те покупки, которые приобрёл на базаре, после того, как покинул ломбард, с чувством полководца, выигравшего битву.

- Ну и сколько выручил за ту крохотулю? – спросила Оля, встречая мужа в прихожей: - Хоть пять гривен дали?

- Да, - ответил Костя: - ровно пять.

Вынув руки из-за спины, у Оли от удивления рот открылся.

Шикарный большой торт. Целая сумка всяких вкусностей, да ещё прекрасные букет.

- Боже, так сколько всё-таки, за такую крохотулю дали!?! – с удивлением спросила Оля.

- Пять, как ты и предложила, но с некоторой добавкой в виде нескольких нулей и ещё немного. – Отшутился Костя.

И, уже через некоторое время, вся семья стояла возле празднично накрытого стола в молитве к Господу:

- Великий наш Господь, ты знаешь наперёд все наши нужды. И даже тогда, казалось бы безвыходная ситуация, Ты всегда открываешь Свои источники благословения и наполняешь наши чаши Своей благодатью.

И мы всем сердцем благодарны тебе за этот богатый стол, и просим Тебя, подели с нами эту трапезу.

Вот по сути своей и вся история. И только остаётся сделать небольшой вывод – Господь всегда верен Себе и никогда не оставит любящих Его и верных Ему хотя бы в малом. В какую бы трудную ситуацию те не попали, Он всегда рядом. И никогда не оскудеет рука Его, дающего каждому по нуждам его.

Брат Костя не исключение из правил, а скорее всего живой свидетель правды Его.

Подделка.

Сидит Лариса с открытой Библией в руках в своей двухкомнатной квартире, но мысли её далеко от Писания. Воспоминания, непрерывной чередой яркими картинками всплывают перед её взором.

Четырнадцать лет, как она познала Господа, придя в один из дней в клуб сахарно-рафинадного завода, где, в то время, арендовала помещение баптистская церковь. Пришла со своей подругой Надей. Побудительным мотивом для этого визита был молодой симпатичный весёлый парень, который их встретил на площади, где прогуливались подруги, и вручил им приглашение в эту церковь, сказав, что Господь их любит и будет там их ждать.

И вот они, одержимые любопытством, что это за Господь, Который их любит и будет ждать, пришли на утреннее служение.

Их встретили как родных. Приветливые улыбки, тёплое сердечное пожатие рук. Всё это произвело неизгладимое впечатление на Ларису и её подругу.

После посещения нескольких служений до сознания Ларисы стала доходить суть Господа Иисуса Христа. Слушая проповеди, она осознавала себя грешницей, поняла, что её с виду неприметная, не отличающаяся никакими преступлениями жизнь, всё равно неправильная и греховная. Поняла все прощающую любовь Господа и необходимость покаяния. Согласилась с тем, что Господь отдал Свою жизнь за нею, за все её грехи.

Не бывалая лёгкость и радость после покаяния, ещё большая ни с чем не сравнимая радость после водного крещения, которое приняла Лариса вместе со своей подругой Надей в одно прекрасное летнее утро, делали её жизнь вольной и светлой.

И Господь обильно наполнял сердце Ларисы Духом Своим. От избытка чувств, она постоянно рассказывала своим сослуживцам на работе о любви Господа. Дошло до того, что они стали избегать её, и тихо, за её спиной крутили пальцем у виска, показывая тем: «Совсем Лариса свихнулась за Своим Господом».

Лариса поступила в библейский институт, чтобы лучше познать Господа и Писание.

И жизнь, в то время, казалась радостной и безмятежной под любящей рукой Господа.

Первое испытание Ларисиной веры стало – уход мужа Юры. В одно хмурое утро, он вышел из кухни в зал, где с Библией сидела Лариса и заявил:

- Или ты бросаешь свою церковь, или я бросаю тебя. Я не желаю жить со штундой.

- Юра, опомнись, что ты такое говоришь? – тихим голосом пыталась успокоить мужа Лариса: - ты бы сам понял, что мы без Господа ничто! Ведь это Он создал этот мир в котором мы живём. С Его помощью мы можем иметь все благословения на этой земле. И церковь, которую я посещаю, там хорошие отзывчивые любящие люди. Лучше бы ты пошёл со мной и сам во всём убедился. Ты бы многое понял сам.

- Всё, - оборвал Юра речь своей жены: - я уже всё сказал. А теперь ты выбирай. Если в это воскресенье уйдёшь в свою церковь, то, придя, уже не найдёшь меня никогда.

В воскресенье Лариса ушла в церковь. А когда вернулась домой, то нашла открытый шкаф, перевёрнутые вещи.

Осмотревшись, Лариса обнаружила, что пропал чемодан и многие Юрины вещи.

Понятно, что не Ларисина вера и не церковь, которую она посещала были виной того, что Юра ушёл из семьи. Работая шофером дальних рейсов (дальнобойщиком, как в народе говорят), имея женщин, практически во всех городах СНГ где только мог побывать, он давно остыл к своей жене. Даже два сына, которые первое время радовали сердце, для него стали совсем чужими. Так как он их совершенно не воспитывал, видя не больше недели в месяц. Тяга к вольной жизни превозмогла и то обстоятельство, что его жена, худенькая кроткая и очень симпатичная женщина всегда и во

всём раньше старалась угодить ему. Зная о его любовных похождениях, смиренно сносила его измены.

Сев среди этого разорения, заплакалась и потом помолилась Господу:

- Господи, я старалась всё со смирением принимать из Твоей руки. Но, Ты же знаешь, что я искренне люблю Юру. Если на то есть воля Твоя, верни его назад в семью. А то, как же мне самой воспитывать своих сыновей?

Но, не было, видно на то воли Божьей. Не вернулся Юра в семью. И уехал так далеко, что и найти сразу было не возможно. И так быстро забыл свою семью, что не стал слать и алиментов, для воспитания и поддержки своих детей.

Второй удар вообще выбил Ларису из колеи. Работая воспитательницей в детском саду, на свою мизерную зарплату, естественно она не могла дать своим детям столько, сколько приносил Юра за свои дальние рейсы.

В семье стала ощущаться нехватка во всём. Питание стало много скромнее. На учебники и другие поборы средней школы не хватало средств. Сыновья Ларисы были одеты много скромнее своих сверстников. И не могли себе позволить многих вещей, какие приносили в класс их одноклассники.

И однажды её старший сын, с группой таких же ребят из неблагополучных семей, напали на пару, мужчину и женщину, идущих выпившими из ресторана.

Но, они даже не успели ограбить их, как появилась патрульная машина милиции. И женщина, вырвавшись из рук грабителей, побежала навстречу той машины, остановив её.

Ребята были взяты, как говорят, на горячем. И хоть потерпевшие не пострадали и не понесли материальный урон, но попытка к ограблению была. И ребят посадили в тюрьму.

Этот удар судьбы Лариса не могла перенести.

Сначала её действия были разумны. Она обращалась к более духовным братьям и сёстрам за советом. Среди тех, к кому она обращалась были и те, кто в своё время отбыл срока в местах не столь отдалённых. И ото всех она получала один и тот же совет:

- Ничего страшного не произошло. Парень совершил преступление за что и должен получить наказание. Может на то и есть Божья воля. Находясь там, одумается и придёт к Господу. Тем более, за такое преступление ему много не дадут.

Но, Ларису не устраивали такие советы. У неё была только одна мысль, как вытащить сына из тюрьмы.

Ещё больше такое желание усилило то, что когда она была на свидании с сыном, которое разрешил во время следствия следователь, сын ей сказал:

- Мама, если ты меня вытащишь отсюда, то я обязательно пойду с тобой в твою церковь и буду служить твоему Богу.

И Лариса стала действовать.

Пошла к потерпевшим. Но, они запросили такую огромную сумму за причинённый моральный ущерб, что у Ларисы руки опустились.

Но потом, она стала ходить ко всем, к кому только можно было прийти, чтобы одолжить деньги, собрать необходимую сумму.

Деньги она смогла собрать. Сына выпустили из тюрьмы. И он несколько раз пришёл с матерью на служение. Но, видимо думая, что на этом его миссия выполнена, завершил своё «служение» Господу.

А семью посетила глубокая нищета.

Чтобы отдать долги за выкуп сына из тюрьмы, пришлось продать из дома всё, что только можно было продать. Но и этого оказалось не достаточно. Ко всему, стал стремительно расти долг за квартиру. Зарплаты воспитательницы детского сада, явно не хватало. И Лариса уволилась с этой работы, устроившись в четыре места уборщицей.

Уходила из дома только-только забрезжит рассвет, возвращалась затемно.

Уставшая, разбитая, опустошённая, наскоро съедала лёгкий ужин, и тут же ложилась спать, чтобы встать утром и снова тянуть этот изнуряющий уничтожающий её труд.

Лариса стала забывать, когда последний раз открывала Библию. Совершенно оставила собрания.

И тут нашёл её искуситель, в лице добродушной полненькой низкорослой соседки Варвары.

Как-то утром, встретив Ларису во дворе, она заговорила ласковым вкрадчивым голосом:

- Ой Ларечка, на тебя уже и смотреть страшно! Как ты исхудала бедная! Не бойсь-то тяжело одной с двумя байстрюками?

- Да соседка, тяжело, - пожаловалась Лариса: - долги одолевают. А работа – копейки. Так я и до смерти не вылезу из них.

- А чего тебе так рваться? Давай я поговорю в сауне, устроишься туда уборщицей. Там можно даже уборщицей заработать хорошие деньги. А ты и так хороша собой. Глядишь, и левый заработок можно будет придумать.

- Я не знаю Варвара. Но я подумаю.

- Да что там думать!?! Решайся. Завтра же можешь приступить к работе. Поверь, там у меня есть хорошие знакомые. Они позаботятся о тебе.

И, через три дня, Лариса приступила к своим новым обязанностям, выйдя в ночную смену.

Какого же было её удивление, когда она утром получила 200 гривен за одну ночь работы в сауне.

Два года Лариса протрудилась в сауне. За это время она узнала откуда берутся такие большие заработки.

Так же она узнала откуда берутся левые деньги. Стыд, который мучал Ларису первое время, отступил на дальний план.

Зато Ларисе удалось погасить все долги и полностью рассчитаться за квартиру.

Так же смогла сделать для дома некоторые приобретения. Купали новый телевизор, диван и видеомагнитофон.

Но, когда видела на улице братьев и сестёр из церкви, которую она раньше посещала, то старалась избежать встречи с ними.

Мысли о покаянии или возвращении в лоно церкви заглашала тем, что убеждала себя: «У Бога есть избранные. А я не избранная. Иначе, Он бы не послал мне такие испытания».

И всё было относительно хорошо до того момента пока в сауне решила отметить свою свадьбу одна молодая пара.

Молодыми их можно было назвать с весьма большим натягом. Молодому было далеко за сорок. Да и молодая давно разменяла третий десяток.

Совершенно обнажённые, изрядно выпившие, они барахтались в сауне до тех пор, пока невеста не подняла вопль:

- Камень, я потеряла камень из своего обручального кольца!

Прибежала обслуга. Быстро заткнули сток из ёмкости. И спустили воду.

Все без исключения, принялись искать тот злополучный камень. Приняла активный поиск и Лариса.

Но, камень, как назло, не находился.

Жених был в ярости. Страстное желание угодить своей «молодой» невесте, побуждало его к пламенным речам:

- Я говорю вам, камень очень дорогостоящий и драгоценный. Потому, предупреждаю вас, что я владею тем искусством, что кто найдёт тот камень и не вернёт мне, то того постигнет ужасная участь. Я сделаю так, что каждый, кто будет прятать тот камень, навлечёт на себя ужасную болезнь. И ничто вас не исцелит. Никакая бабка знахарка, никакая церковь. В конечном счёте вымрете вы и весь род ваш.

Произнёс он эту речь, стоя у стока воды из сауны. Когда же он ушёл со своей возлюбленной, Лариса нагнулась и у самой воронки стока нашла этот камень.

В первый момент сердце её радовалось и трепетно билось: «Надо же как повезло! Нашла целое сокровище!»

Потом радость ушла, осталась только тревога: «Как теперь правильно поступить с этим камнем? Ведь тот человек говорил такие проклятья!»

Не зная, как поступить, Лариса направилась к напарнице с этой находкой.

Та внимательно осмотрев камень, равнодушным голосом сказала:

- Подумаешь, он не первый и не последний, кто здесь что-либо теряет. Он потерял, ты нашла. Значит, камень твой. Вот и делай с ним всё, что тебе заблагорассудится.

Неделю Лариса держала камень у себя дома. Но, когда она его доставала чтобы ещё раз взглянуть на него, леденящий страх наполнял её душу.

Через неделю она решила отнести этот камень в ломбард. Какого же было её удивление, когда приёмщик ей сказал:

- Женщина, это просто стекляшка. Она практически ничего не стоит и никакой ценности не имеет. Одним словом – подделка.

И вот, придя домой, Лариса достала из шкафа покрытую пылью Библию, впервые за долгие годы открыла её и попробовала читать.

Что её побудило к этому?

Успокоить своё сердце? Унять тревогу и страх?

Но, только одна мысль не выходила из головы – «подделка».

Вот так лукавый и распорядился моей жизнью. Муж оказался – подделка. Не могла никак поверить в это, убивалась, портила жизнь себе и детям.

Из-за этого ещё одна подделка вкралась в мою жизнь – преступление моего сына. Ведь и в самом деле, ему бы много не дали. А там, хорошее поведение, мог бы и много раньше выйти. Ведь всё в руках Господа.

И не было бы этим огромных долгов, не было бы этой позорной работы в сауне.

Вся моя жизнь эти несколько лет, сплошная подделка.

Лариса отложила Библию, так и не прочитав из неё ни строчки.

Но, в воскресенье она стояла в своей церкви у кафедры с искренними слезами прося прощение у Господа, у братьев и сестёр, за многие грехи, которые совершила за эти годы.

Новая, полная спокойствия и радости жизнь ждала Ларису впереди.

И остаётся позади в прошлом всякая подделка, которой щедро награждает сатана всякого, кто решает отступить от Господа.

Отлучение.

Апостол Павел, исполненный Духом Святым, учит: **1Кор.5:3-7** «А я, отсутствуя телом, но присутствуя [у вас] духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа.

Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?

Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас».

И всякий, читающий эти строки понимает, что тот, кто нарушает церковную дисциплину должен быть отлучён от церкви, чтобы малая закваска не квасила всё «тесто».

Но, как же порой трудно принять такое решение пастору или братскому совету!

И как же трудно потом тому, на кого такое взыскание налагается.

Лариса приехала в Украину из России, из Сибири.

Здесь в Украине у неё жила мать. А там, в России, умер её муж. Вернее сказать, сгорел от водки. Даже не сгорел, а замёрз, возвращаясь домой с очередной попойки.

Вначале в планах у Ларисы было просто ухаживать за старенькой больной матерью какое-то время.

Но, матери становилось всё хуже и хуже. И Лариса никак не могла оставить её одну. Вместе с Ларисой, из России, приехала и её дочка Марина, которой было четырнадцать лет. В такой ситуации Лариса не знала, что делать. И не отправить дочь одну в Сибирь, и с матерью одну не оставишь. Хотя четырнадцать лет, это уже и не детский возраст, но поручить заботу за бабушкой, у которой здоровье никуда не годилось, она не могла решиться.

А мать её всё хуже передвигалась. Приходилось помогать одеваться. И руки уже переставали слушаться. Приходилось ещё и кормить с ложечки. И в Сибирь одну не отправишь. Хотя там и квартира без присмотра, и школа вот-вот начнётся, и друзья дочки, к ним тоже её тянет. А вот сколько ещё находиться здесь, рядом с матерью, кто знает?

Вот и решила Лариса остаться в Украине вместе с дочерью.

Послала письмо запрос в Сибирь, чтобы её уволили с работы в связи со сложившимися семейными обстоятельствами. Написала соседям, чтобы немного присматривали за её квартирой. Устроила дочку в школу. И погрузилась в будни, ухаживая за своей старушкой матерью.

Надо сказать, что Лариса, по складу характера, очень общительная женщина. И даже больше, из её серо-зелёных глаз всегда струились потоки тепла и радости. А с красивых выразительных губ никогда не сходила жизнерадостная улыбка. Она очень быстро подружилась со всеми соседями по лестничной клетке, и даже этажами выше и ниже.

А, в квартире напротив жила Тамара. Они были с Ларисой почти одногодки, обеим до сорока лет. У Тамары тоже был весёлый общительный характер. И не мудрено, что эти женщины подружились.

И видя, как тяжело Ларисе приходится с матерью, и понимая, что врачи на этой женщине использовали все свои знания и опыт, и уже не могут помочь, предложила:

- Лора, а приходи к нам в церковь. Подашь записку, церковь помолится. Может Богу будет угодно, и Он Сам исцелит твою мать? Во всяком случае, возможно ей станет лучше. Бывали у нас случаи, когда Господь, по молитве церкви, полностью исцелял человека.

Тамара и раньше пыталась заговорить с Ларисой о церкви. Но та постоянно отмахивалась от неё.

- А что, я верю, что Бог есть. А как иначе. Даже была несколько раз в православной церкви. А ходить по церквям у меня нет совершенно времени. Видишь же сама, мама у меня на руках.

Но, когда Тамара предложила молиться за мать, Лариса задумалась: «А кто его знает, и в самом деле это может помочь матери. Всё-таки там святые люди молиться будут».

И она, в одно из воскресений пошла с Тамарой в её церковь.

И хоть по дороге Тамара её наставляла:

- Ты можешь и не сидеть всё собрание. Подашь записку и можешь идти.

Но, Лариса не вняла советам подруги.

Сначала ей понравилось пение в церкви. Для неё это было удивительно. Она впервые в жизни видела, чтобы в церкви все, вставши, пели, и при чём так слажено и стройно.

Потом ей понравилась и проповедь. Может не столько проповедь, в ней она ничего не поняла, но жестикация и мимика проповедующего её так увлекли, что она слушала как завороченная.

И конечно, когда в конце служения были прочитаны записки и пастор церкви помолился за все те нужды, тут прозвучала и молитва за мать Ларисы, за её исцеление.

Лариса даже прослезилась.

В следующее воскресенье Тамаре даже не пришлось слишком уговаривать Ларису. Та и так быстро и с радостью приняла предложение снова сходить в церковь.

В церкви сердце её сжималось от радости, когда к ней подходили с теплотой пожимая её руку в приветствии. Одна женщина даже подошла и поцеловала её нежно в щёку.

«Это же надо, - думала Лариса: - как родную, как близкую встречают».

А в конце служения её ждал ещё один сюрприз. К ней подошёл пожилой седовласый мужчина и спросил:

- У вас есть Библия?

- Нет, - в растерянности ответила Лариса.

- А хотите я вам подарю Новый Завет? Это вторая часть Библии, но, на мой взгляд, самая главная.

- Конечно подарите, - в простоте сердца ответила Лариса. И глаза её заискрились от радости и счастья.

Дома, когда мать заснула, Лариса достала из сумочки тоненькую книжечку, бережно положила её на стол, погладила ладошкой чуть шершавую синюю обложку с выбитыми на ней золочёными буквами «Новый Завет», и крестом чуть ниже так же золочёным.

Потом, так же осторожно отрыло до первого текста, «Евангелие от Матфея», и стала читать.

«Родословная Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова...»

Прочитав до конца главу и ничего не поняв, решила: «Надо будет ещё раз перечитать».

Трудясь по дому, куда бы ни пошла, взгляд её невольно искал ту синюю книжечку. И одна мысль не давала ей покоя: «Надо ещё раз перечитать. Ну как же так, ничего не поняла».

Вот так и начала Лариса посещать баптистскую церковь. И хоть матери легче не становилось, но она не роптала на Бога, а с упорством, которому можно только позавидовать, взялась постигать духовные знания.

В квартире у Тамары собиралась малая группа. Лариса стала посещать эту группу. Если раньше она не знала, как ей выкроить время сходить в церковь, помолиться, поставить свечку, то теперь у неё не только на всё находилось время и за матерью ухаживать, и проверять дочкины уроки, и бывать в церкви на всех собраниях, и посещать малую группу.

Где-то месяца через полтора, Лариса покаялась. До того, как она познала Господа Иисуса Христа, она никогда не считала себя кончиной грешницей. Ну брала из столовой, где она работала поваром третьего разряда, продукты домой. Но, ведь и все брали. Почему она должна была быть исключением? Ну пил муж. А она не очень-то тому и противилась. Так в Сибири все пьют. Сама-то она не злоупотребляла этим зельем. Так, по праздникам рюмку другую выпьет за компанию.

И лишь углубляясь в страницы Священного Писания, она всё больше и больше понимала, как она всю свою жизнь была не права перед Господом. По сути жила эгоистической жизнью, стараясь угодить самой себе.

Это осознание укрепило её желание быть всегда с Господом.

И наступило лето.

В это лето в одно из прекрасных солнечных утренних часов она с ещё двадцати шестью братьями и сёстрами приняла водное крещение.

А осенью, того же года, умерла её мама.

Не помогли ни многократные молитвы церкви, ни пилюли и уколы врачей.

Но, на всё воля Божья. Только Он знает тот путь и время, которое отмерил для каждого из нас.

Старушка, перед смертью выдавила из пересохшего рта: «Прости Господи меня грешную и помилуй по великой милости Твоей».

Безусловно это было покаянием, и потому все расходы и похороны взяла на себя церковь.

После смерти матери Лариса опять задумалась, как же ей быть? Возвращаться обратно в Сибирь или остаться уже навсегда в Украине?

По сути с Сибирью её уже ничего не связывало, если не считать двухкомнатную квартиру, которая давно нуждалась в капитальном ремонте.

Здесь же у неё появилась большая христианская семья, нашла хорошую интересную работу. Дочь её в школе обзавелась друзьями и очень неплохо успевала в учёбе. И говорить на украинском языке она могла уже много лучше своей матери.

Правда (забегая на перёд, скажу) семь лет прошло прежде чем Лариса смогла получить Украинское гражданство.

И Лариса приняла решение остаться жить в Украине. Взяла на работе отпуск, поехала в Сибирь, быстро но дёшево продала квартиру со всем содержимым, уладила все дела по работе, и вернулась в Украину.

И жизнь слаживалась прекрасно. У неё была хорошая любимая работа, хорошая любимая церковь, хорошая послушная любимая дочка. И Хорошее настроение на каждый день. Немного омрачало настроение процедура переоформления гражданства, эти бесконечные и бесчисленные сборы разных справок, эта бесконечная волокита с тем или другим, рутина бюрократии, которой казалось не будет конца. Но, этому Лариса не придавала особого значения, всё предав в руки Божьи.

Но, так уж пролегает дорога нашей жизни, что она не может быть без ухабин рытвин и ям. Вот такой «ухаб» и появился на дороге у Ларисы в лице её соседа по лестничной площадке, Сергея.

Это, молодой мужчина двадцати восьми лет. Его жена, Наташа, носила от него во чреве своём второго ребёнка. Молодая, симпатичная и очень боевая женщина. Она никогда не промолчит и не полезет «за ловом в карман».

Трудно сказать, что Сергея в его молодой жене не устраивало. Может его не совсем устраивал её боевой дух, а может и просто для него в чужую жену сатана постоянно влагал «ложку мёда».

На «горячем» Наташа его не ловила, но очень подозревала, что муж не верен ей.

Вот этот-то Сергей и зачастил к Ларисе. Та, по простоте душевной, принимала его у себя на кухне, даже чаем иногда поила. И не подозревала, что такие, совершенно ничего не значащие встречи, могут ей причинить массу неприятностей.

Сергей, сидя у Ларисы на кухне мог часами ей жаловаться какая плохая у него жена. Она и ревнива, и драчлива, и готовит плохо, и не опрятно ведёт хозяйство. И чего только ни говорил тот Серёжа в адрес своей красавице жены.

Лариса ему постоянно возражала, аргументируя свои слова цитатами из Писания:

- Сказано: «Муж, люби свою жену». Вот ты брал её в жёны, разве тогда не видел, что в ней не так? А теперь всё, терпи такую, какая есть.

- Ага, легко сказать «терпи». А у меня уже никаких сил нет. – Продолжал жаловаться Сергей. Сам же, когда Лариса отворачивалась, что-нибудь делая по кухне, или лезла в навесной шкафчик, чтобы что-то достать с верхней полки, жадными глазами впивался, следя за её ногами и фигурой. И когда она оборачивалась к нему, скромно устремлял свой взор в пол.

Такие походы Сергея к соседке, безнаказанно продолжались недели две. Видимо Наташа не считала Ларису своей соперницей, зная её как порядочную добросовестную христианку.

Но пришло то время, когда такие частые и долгие отлучки к соседке стали подозрительными для Наташи.

Сначала она в грубой форме, как это всегда делала, высказала свои сомнения мужу. Но, так как Серёжа взялся рьяно защищать Ларису, то его жена не выдержала такой «адвокатской» деятельности своего мужа, в самом, что ни на есть плохом расположением духа выскочила на лестничную площадку и давай с остервенением звонить в Ларисину квартиру.

И когда Лариса открыла дверь, то Наташа тут же налетела на неё:

- А ты стерва, если ещё раз будешь принимать этого кобеля, то я тебе все космы повыдираю. Тоже мне верующие. Взяли моду чужих мужей уводить!

- Что ты Наташа, - пыталась урезонить соседку Лариса.

- Я тебе всё сказала, - резко оборвала её Наташа, демонстративно развернулась, и вошла в свою квартиру, так хлопнув дверью, что с косяков посыпалась штукатурка.

Но, охота пуще неволи. И в этот вечер Сергей опять позвонил в дверь Ларисы.

- Не надо чтобы ты сюда ходил, - сказала ему Лариса, когда пропустила в кухню, где он привычно уселся на тот же стул, на котом всё время сидел.

- Да что ты, Лариса, всё нормально. Я пришёл извиниться за свою жену. Вот такая она у меня несдержанная. Ничего, перебесится.

Эти слова как-то успокоили Ларису. И они опять целый вечер проболтали. И снова Лариса пыталась донести до Сергея слово Божье. Но, он всё пропускал мимо ушей и постоянно менял тему разговора, выведив её на что-нибудь обыденное, каждодневное.

Так Сергей с упорным постоянством, каждый вечер, продолжал посещать Ларису. Но и Наташа больше не звонила в дверь Ларисы. Только однажды, по прошествии где-то недели две, когда Лариса спускалась с этажа по лестнице, ей навстречу поднималась на этаж Наташа. На приветливое Ларисино «здравствуй», ответила:

- Погоди змея, скоро я твои ядовитые клыки повырываю.

Лариса ничего на это ей не ответила. И вскоре вообще забыла этот короткий диалог.

После этого, после вечернего служения к ней подошёл старший дьякон церкви Корней Павлович и сказал:

- Сестра Лариса, завтра у нас братский совет. Придите в девятнадцать ноль-ноль, нам с вам надо поговорить.

- А о чём будем говорить? – поинтересовалась Лариса.

- Вот придёте и узнаете, - Корней Павлович кивнул головой, в знак того, что разговор окончен, и он прощается, развернулся и ушёл.

Остаток вечера и весь день на работе у Ларисы не выходило из головы, для чего её вызывают на братский совет. Может нужна повариха? Было её приглашали готовить на свадьбу. Было приглашали поварихой и летний детский лагерь. Но, тогда никто её на братский совет не вызывал. Просто так в устной беседе пригласили и всё.

«А может есть такое дело, которое надо со мной лично решить? Потому и приглашают так официально? Ну ладно, что там гадать. Приду на братский совет, уж точно узнаю», - решила Лариса успокаивая себя.

Вот и братский совет. Около часа Лариса сидела под дверью, пока братья решали какие-то церковные вопросы. Наконец Ларису пригласили в братскую комнату, предложили сесть.

Некоторое время в братской царил тишина. Братья внимательно смотрели на Ларису, как бы изучая её.

Тишину прервал пастор церкви:

- Сестра Лариса, скажите пожалуйста, вы знаете некоего Сергея?
 - Сергея, какого Сергея? – не сразу поняла вопрос Лариса. Потом вдруг до неё дошло:
 - А, видимо речь идёт о моём соседе Сергее.
 - А что, у вас есть ещё какие-то знакомые Сергейи? – поинтересовался один из братьев.
 - Вообще-то нет. – как-то не уверенно ответила Лариса.
 - Ну хорошо, а с вашим соседом Сергеем вы встречаетесь? – продолжал спрашивать пастор.
 - Как встречаюсь? Я с ним совершенно не встречаюсь. Он практически каждый вечер приходит в гости, сидит на кухне и жалуется как плохо живёт со своей женой, какая она у него плохая. Вот и все наши встречи.
 - А вы запрещали ему к вам так часто заходить? – поинтересовался один из членов братского совета.
 - Ну как пыталась? Раз прибежала его жена со скандалом. Я сказала Сергею, чтобы он лучше не приходил. Но он успокоил, что у его жены бывают срывы и что это пройдёт. Что она его вообще ко всякому столбу ревнует. А я как-то не думала. Ведь мы ничего предосудительного не делаем.
 - Вот видите сестра, - опять заговорил пастор: - жена прибежала со скандалом. Значит это уже был предупредительный сигнал, что вы что-то не так делаете. Значит надо было сразу и строго предупредить того Сергея, чтобы он не являлся к вам.
 - Но я же говорила, чтобы он любил свою жену, чтобы жил с ней мирно. Пыталась это показать ему через Писание.
 - Надо бы было не говорить, а вообще не пускать на порог того Сергея, - опять вмешался в разговор один из членов братского совета.
- Совсем сбитая толку, не зная, что отвечать, Лариса пыталась защищаться:
- Но ведь мы ничего такого, что могло быть предосудительным не делали.
 - Хорошо сестра, - прервал этот диспут пастор: - вы можете идти сестра.
- После того, как Лариса покинула комнату в которой проходил братский совет, братья продолжили обсуждения этого инцидента без неё.
- Похоже, что сестра так и не поняла, что произошло, - сказал пастор.
 - Да, не чувствуется, чтобы она ощущала за собой какую бы то ни было вину, - подтвердил мысль пастора один из членского совета.
 - Практически разрушила семью и не поняла этого, - добавил ещё один брат.
 - Какое решение примем относительно сестры Ларисы? – спросил пастор.
- На короткое время в братской воцарилась тишина. Потом один из братьев сказал:
- Раз до неё не доходит, что она натворила, и нет в ней покаяния, что практически развалила молодую семью, предать её плоть в изнеможения сатане.
- Опять воцарилось молчание. И снова разрядил молчание пастор:
- Раз нет других предложений, значит будем отлучать?
- И братья перешли к обсуждениям других вопросов церкви.

А через несколько дней пастор пришёл к Ларисе домой.

Лариса приняла его, как уже привыкла принимать гостей у себя, на кухне. Усадила на тот же стул, на котором обычно сидел Сергей, предложила чая.

Пастор приглашение присесть принял, а от чая отказался.

- Я пришёл к вам вот по какому поводу; всё-таки подумайте. Ведь вы, своим поведением, как-то повлияли на то, что рушится семья. Может как-то надо изменить ситуацию?

- А как изменить ситуацию? – спросила Лариса.

- Наверное надо пойти извиниться перед соседкой. Попытаться её примирить с мужем. Покаяться в своих неправильных действиях относительно её мужа.

Лариса слушала пастора и до её сознания всё это как-то слабо доходило. Понятно ещё извиниться перед Наташей, попробовать как-то помирить их с мужем. Но, вот покаяться в своих неправильных действиях, когда она для Наташи только добра желала, это до неё никак не доходило. Она твёрдо знала, что ничего предосудительного не совершила. Потому так и ответила пастору:

- Не знаю, не в чем мне каяться. Я не совершила ничего такого, в чём могла бы себя упрекнуть. И упреков той Наташи я не заслужила.

Пастор посмотрел на Ларису с сожалением:

- Понимаешь сестра, ведь тебя за такое поведение могут отлучить от церкви, - как-то резко пастор перешёл на «ты».

Видя, что их беседа ни к чему не приведёт, пастор поднялся из-за стола, и направился к выходу.

- Будьте благословенны сестра. И, всё-таки подумайте о том, о чём мы с вами говорили.

После этого прошло ещё две недели. Лариса ходила на собрание, посещала малую группу, и начала потихоньку забывать о братском совете и приходе пастора к ней домой.

И вот, в конце утреннего служения наряду с другими объявлениями, пастор объявил, что вечером не будет служения, а состоится собрание членов церкви.

Лариса прилежно пришла на это собрание.

Пришло время, пастор объявил о начале собрания.

После молитвы была ещё короткая проповедь, смысл которой сводился к тому, что гордость порой мешает христианам замечать те грехи, которые он, пусть даже с лучших побуждений, совершает. Так же в этой проповеди прозвучала мысль, что чистосердечное покаяние служит очищением от всяких грехов.

После этого пастор приступил к оглашению списка вопросов, которые необходимо было рассмотреть на этом собрании.

Когда он сказал, что первый вопрос стоит об отлучении от церкви, у Ларисы сжалось сердце.

А пастор между тем продолжал:

- Вы знаете сестру Ларису. Это безотказная добросовестная христианка. Она не раз проявляла себя в служении, готовя вкусные обеды. И всегда, когда её о чём ни попросишь, с готовностью и добросовестно выполняет.

Но, у неё произошёл неприятный инцидент в быту. Она стала причиной раздора в семье, которая живёт с Ларисой на одной лестничной площадке. Благодаря её неправильному поведению, или непринципиальному (можно так сказать), дошло до того, что молодая семья, в которой малый ребёнок и вот-вот на свет появится второй на грани развода.

Мы встречались с Ларисой, говорили. Но, она не может воспринять всю глубину трагедии, которая постигла ту семью благодаря её не верным действиям.

И это ничуть не красит её как христианку, и ложится пятном на всех христиан нашей церкви

Потому, по решению братского совета, мы выносим на собрание «за аморальное поведение в быту, отлучить сестру Ларису от церкви».

- Может у кого есть вопросы к сестре? – спросил пастор.

Но в зале стояла напряжённая тишина.

- Тогда, если вы согласны с решением братского совета, подтвердите это вставанием.

И церковь дружно встала на ноги.

- Хорошо, - заключил пастор: - можете садиться. А вас Лариса я попрошу выйти и оставить собрание, так как с этого момента вы не можете принимать участие в делах церкви.

Лариса сидела в тёмной кухне и плакала. Минут двадцать в её квартиру кто-то звонил. Но Лариса даже не подошла к двери, наверняка зная, что в это время к ней звонить мог только Сергей.

В десять часов вечера с молодёжного служения пришла её дочь Марина. Не включая свет тихо подошла к матери села рядом обняла её за плечи и тоже тихо заплакала.

Так они в обнимку и просидели около часа, не говоря друг другу ни слова, а только тихо плача.

Потом Лариса встала, включили свет, поставила на огонь газовой плиты чайник. И ещё минут через пятнадцать, они с дочерью поужинали привычным чаем с булкой намазанной маслом.

И уже после этого, Лариса зашла в свою комнату, опустилась на колени, и в молитве пыталась прославить Господа за прожитый день и попросить благословения на предстоящий сон.

Впервые за все эти годы Лариса не могла молиться. Слова вязли на языке. Ей было очень тяжело сказать: «Благодарю Господи за прожитый день».

Но, борясь с противоречивыми чувствами она всё-таки выдала из себя эти слова, понимая в это время, что они идут не от чистого сердца, как это было буквально вчера.

Полетели дни за днями.

Лариса, по давешней привычке вставала рано, умывалась, вставала на молитву, молясь о благословении на день, о знакомых и близких, о церкви, которую уже не могла посещать.

После чего садилась читать Библию. Чаще, не прочитав ни слова, закрывала её.

Потом готовила завтрак, будила дочь в школу, собиралась сама на работу.

Всё шло с первого взгляда как обычно. Но, сердце Ларисы изнывало от какой-то внутренней боли. И она не знала, как ей избавиться от этого неприятного ощущения.

Так пришло и очередное воскресенье. Утром Марина, дочь Ларисы весело и бойко собиралась на служение. Лариса же сидела в комнате и смотрела на дочку с тоской и даже с некоторой завистью.

- Мама, а ты что не собираешься? – вдруг спросила Марина, видя, что мать сидит у стола совершенно безучастная.

- Доченька, ведь я же отлучена. Что же я пойду туда?

- Ну и что, что отлучена. Наоборот надо идти. Ты же считаешь себя не виноватой? Вот и должна им доказать, что это так. Ну даже если бы и была виновата, так что? Разве отлучение – это навсегда? Увидят, что ты не бросаешь собрания, вот и восстановят.

Лариса смотрела на свою дочь и думала: «Какая же она у меня мудрая растёт!»

Материнская любовь и чувство гордости за дочку, переполняли сердце Ларисы.

- Хорошо доченька, сейчас оденусь. Ты права, пойдём! – решительно заявила она.

А на собрании ещё больше комков горечи подступил к горлу Ларисы. На этот раз никто не подошёл к ней поприветствоваться, никто из сестёр не стал с ней целоваться в знак Божьей любви.

Лариса скромно села в самом заднем ряду. И когда шло собрание, заметила, что и слева, и справа от неё свободные места, когда как в проходе ютилось несколько человек, не нашедших места, где сесть.

И когда окончилось собрание, опять к ней никто не подошёл с приветствием.

Когда же пробежала мимо неё дочь с девочками, та пыталась остановить её:

- Марина, ты домой идёшь?

- Иди мама, я позже приду, у нас сейчас молодёжка.

И Лариса не спеша, с низко опущенной головой, тихо побрела домой.

Всю следующую неделю она чувствовала себя одинокой, никому не нужной, оставленной, забытой. Молитвы не шли на ум. Читать Библию не могла. Даже дружеские взгляды дочери не ободряли её.

Но, даже не смотря на это, в пришедшее воскресенье Лариса оделась и пошла на собрание.

И так прошёл месяц. К Ларисе по-прежнему никто не подходил. Но, она упрямо, каждое воскресенье приходила на собрание. Садилась в заднем ряду. И уже становилось привычным, что слева и справа от неё места пустовали. И это не смотря на то, что на служении мест всем всегда не хватало.

Так тихо бредя после очередного собрания, думая свою горькую думу, она услышала за собой голос:

- Лариса, стой! – её догнала Тамара: - Лора, что это ты перестала посещать малую группу? – заговорила Тамара, когда поравнялась с Ларисой.

- Я же отлучена. Как я могу посещать малую группу?

- Подожди, не кипятись. Прежде всего ты отлучена от церкви, а не от малой группы. Второе – я не могу приветствоваться с тобой как с христианкой. Но, как подружки мы можем и приветствоваться, и общаться. Так что, давай, вылезай из своего «бункера» и давай приходи к нам на малую группу. Мы все тебя ждём.

Когда они подходили к подъезду своего дома то на лавочке возле подъезда увидели сидящего Сергея. И когда женщины проходили мимо, тот окликнул Ларису:

- Лар, стой, я должен тебе что-то сказать.

- Серёжа, ты уже, по-моему, мне всё сказал. – Лариса серьёзно и строго посмотрела на Сергея.

- Нет, это важно, - потом посмотрев на Тамару добавил: - Тома, а ты иди. Мне с Ларисой поговорить надо.

Тамара пожав плечами, развернулась и вошла в подъезд.

- Лора, ты меня прости, я совсем обезумел, когда встретил тебя. Я развожусь со своей Наташкой. Надоела такая жизнь. Но, потом, выходи за меня замуж. Я только то и делаю последнее время, что о тебе думаю.

- Не о том думаешь. – остановила его Лариса: - думай лучше о жене, о детях. Им нужен отец. Думай наконец о спасении своей души. А меня просто оставь в покое. Мне, через тебя уже и так достаточно попало.

- Я же серьёзно, Лора! Что ты! Я даже готов в твоего Бога поверить, ходить в твою церковь, я тебе говорю!

Лариса взглянула на Сергея с сожалением и иронией одновременно, развернулась, и ничего ему не ответив, вошла в подъезд.

На промежуточной площадке, между первым и вторым этажом её ждала Тамара.

- Что он от тебя хотел? – спросила она, когда Лариса достигла площадки.

- Замуж звал.

- Вот кобелина! – возмутилась Тамара: - имеет такую красивую жену, уже второго ребёнка от неё ждёт и всё не успокоится. Но ты же ему ответила достойно!

- Ответила, - согласилась Лариса.

После этой встречи на малую группу Лариса пару раз пришла. Но и там были у многих братьев и сестёр строгие непримиримые лица. Когда та об этом сказала Тамаре, та возразила:

- Да что ты так близко принимаешь к сердцу? Люди есть люди.

Лариса не стала оспаривать изречённую Тамарой истину, но на малую группу ходить перестала.

Надо отдать должное Тамаре, она была не из тех людей, которые так быстро и легко сдаются. Сама Тамара училась в заочном институте, в котором была нулевая группа в которую могли ходить все, даже не верующие. И как раз преподаватель у Тамары вёл и эту группу тоже.

Тамара, как и все студенты, очень уважала своего преподавателя. Он всегда интересно вёл занятия. И когда что-то рассказывал из Писания, или толковал Библию, его можно было часами слушать. Но, к сожалению, он сам больше любил слушать своих студентов, чем говорить. И всегда стремился дать слово каждому уважая их суждения. И лишь тогда, когда была в том необходимость, поправлял или наводил на правильный ответ той или иной истины, задавая наводящие вопросы.

Вот к нему и обратилась Тамара.

- Понимаете, Максим Герасимович, у нас в церкви есть одна сестра, я не знаю, как ей помочь. Она хорошая сестра, такая тихая, безотказная, очень любит Господа, и такая любознательная. Можно было бы ей посещать вашу нулевую группу?

- Так в чём проблема? Конечно можно. У нас что, закрытая группа? Могут приходить не только те, кто собирается продолжить учёбу, но и вольнослушатели.

- А проблема вот в чём Максим Герасимович, её отлучили от церкви. – Тамара умолкла и испытывающе посмотрела на преподавателя. Но, похоже на то, что его эта новость ничуть не смутила.

- Отлучили, значит заслужила. – Сделал он заключение и продолжил: - Но ей, тем более, надо посещать нулевую группу. Ей сейчас много тяжелей, чем всем нам. К ней сейчас сатана подступает каждый день и по несколько раз в день.

Наверняка ей сейчас не хватает и общения. Да, кстати, а собрания она посещает?

- Да, регулярно. Только к ней на собраниях никто не подходит, не общаются, руки не подаются.

- Ну это и вполне закономерно, - заметил Максим Герасимович: - у нас народ такой, жестокий, придать сатане, так всего без остатка. Не думают, что ошибиться может каждый.

И закончил:

- Приводите свою отлучённую, будем с ней заниматься.

На следующих занятиях нулевой группы появилась новая студентка. Она вошла тихо, поздоровалась и села в дальнем углу комнаты скромно потупив взор в пол, положив на колени Библию, обречённо скрестив на ней руки.

Пока комната наполнялась студентами, которые шумно заходили, по-хозяйски усаживаясь на привычные места, преподаватель сидел, как будто не замечая этой суеты. Толи погружённый в

тихую молитву, толи подгоняя в памяти план предстоящих занятий. Но, когда стрелки часов остановились на восемнадцати ноль-ноль, он как бы пробудился.

- Так, товарищи студенты и уважаемые братья и сёстры пора в бой. Встанем для молитвы.

Все дружно встали, и преподаватель помолился, приглашая Господа в это собрание, прося у Него мудрости для себя и всех присутствующих, а также, чтобы и сегодня в этот вечер было посеяно нетленное семя, которое бы проросло в душах, слушающих и потом, в нужную пору, принесла обильный плод для Господа.

И когда все опустили на свои места, то преподаватель обратился к новой студентке, скромно сидящей в самом углу:

- Сестра, а вы для чего обособились? Садитесь ближе, сделаем круг теснее, чтобы в нём не осталось места для сатаны.

Лариса (а это была она) встрепенулась. Её и порадовало обращение преподавателя к ней (сестра), давно уже она не слышала к себе такого обращения. В тоже время и смутило такое предложение сесть со всеми, как равной.

- Нет, что вы, мне здесь удобно, - пыталась отговориться она.

Но внимательные и добрые глаза преподавателя, и его настойчивые, можно сказать со властью слова:

- Сестра, не сопротивляйтесь, а лучше укрепите наш союз тем, что мы все рядом! – заставили Ларису послушаться, и она села на стул рядом с другими, образуя полукруг возле стола за которым сидел преподаватель.

- Ну хорошо, теперь начнём, - продолжил преподаватель, когда Лариса заняла подобающее место. – Итак, к сегодняшнему занятию вы должны были выучить стихи из Писания на тему..., кто скажет какую?

- Уверенность в спасении, - сказал с места молодой кучерявый парнишка лет восемнадцати.

- Правильно, дорогой брат Вася, вот тебе и карты в руки. Конечно, я имею в виду не игральные, - с улыбкой заметил преподаватель.

И Вася, сидя на месте, бойким голосом продекламировал:

- Сие свидетельство состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную. И жизнь сия в Сыне Его. Имеющий Сына (Божьего), имеет жизнь, не имеющий Сына Божия не имеет жизни.

- Хорошо брат. Кто скажет, какую ошибку допустил брат, передавая содержание этого отрывка?

Ответила женщина средних лет:

- Не дал ссылку, обоснование: Первое Иоанна пятая глава одиннадцатый-двенадцатый стихи.

- Хорошо, сестра Галя, тогда для вас вопрос: что по вашему мнению значит «иметь Сына Божия»?

- Я думаю, что это может значить, что необходимо покаяться, исповедовать свои грехи и быть верным Господу после этого.

- Думаю, вы совершенно правы. Может у кого-то на этот счёт есть свои уникальные мысли. Поделитесь. Дополните сестру Галю.

И началась дискуссия среди студентов. Высказывались все, кто хотел, кто считал нужным что-то добавить. Здесь было всё: и пойдите и научите, и даю власть над силами злобы поднебесной, и законы, и заповеди. Другими словами – философия на высшем уровне.

Вдруг преподаватель обратился к Ларисе, сидевшей и молча слушающей все высказывания:

- Сестра, а вы как считаете, что для нас значит «иметь Сына Божия»?

Лариса в первые мгновения растерялась и совершенно не знала, что сказать. Она раньше не раз читала эти стихи, но никогда не задумывалась, что значит для неё лично иметь Сына Божия.

- Ну не знаю, - начала она неуверенно: - наверное быть верным Ему и в большом и в малом.

- Хорошо, очень правильный ответ. Могу добавить, в жизни христианина так происходит, когда его личные интересы блекнут и угасают, тогда как интересы Господа выходят на первый план. Мозг как-то сам формируется, что и не замечаешь, как Божье тревожит больше, чем личное.

- Кстати сестричка, вы же у нас в первый раз? – поинтересовался преподаватель.

- Да, - тихо ответила Лариса.

- Тогда надо с вами ближе познакомиться. Скажите, как вас зовут?

- Лариса, - скромно ответила Лариса.

- А из какой вы церкви? - продолжал спрашивать преподаватель.

- «Благодать», - не уверенно ответила Лариса, в себе думая: «А имею ли я право говорить, что я из церкви «Благодать», когда отлучена от церкви?»

- Но слова преподавателя ободрили её, когда он сказал:

- Ну слава Богу, теперь у нас будет студентка и из церкви «Благодать».

И снова задал вопрос:

- Это не о вас ли был у меня разговор с сестрой Тамарой?

Сердце Ларисы тревожно сжалось, и она тихо ответила:

- Наверное обо мне.

- И слава Богу, что вы пришли, - вдруг сказал преподаватель: - Я рад с вами познакомиться.

Лариса никак не ожидала такого разворота событий. И волна радости окатила её сердце. Ободрённая словами преподавателя, Лариса уже более внимательно слушала и с большим энтузиазмом принимало участие во всех рассуждениях над Святыми истинами.

Когда завершились занятия, и когда помолились все, и прозвучала последняя молитва преподавателя, приветствуя друг друга рукопожатием, никто не обошёл Ларису вниманием.

И волна благодарности к Господу, к этим братьям и сёстрам, к преподавателю переполняли исстрадавшееся за эти долгие месяцы сердце Ларисы.

Так Лариса стала заниматься в нулевой группе института. Ей всегда было хорошо там. Группу посещало шесть человек, Лариса была седьмая. Люди самого разного возраста, совершенно разные характеры. Но они были как одно целое. Несомненно, в этом сказывался талант преподавателя, который умело устраивал диспуты, и всегда направлял группу к одной цели – научиться быть полезным Господу на этой земле уже сегодня, уже сейчас.

Скоро Лариса знала всех по именам. И всё время с нетерпением ждала пятницу, время, когда собиралась группа.

Вскоре она узнала, что благодаря преподавателю изменились многие христианские судьбы. У него не было специально отведенных часов для приёма своих студентов по личным вопросам. Но, он всегда, когда к нему обращались, находил для них время. И его мудрые советы всегда благотворно влияли на судьбы тех, кто к нему обращался.

Вот и Лариса решила напрямую обратиться к своему преподавателю. И она подошла к нему перед одним из занятий, придя чуть пораньше пока ещё не собралась группа. И он обещал ей, что после занятий они останутся, и он внимательно её выслушает.

И когда занятия завершились и все разошлись, он встал из-за своего стола, за которым обычно сидел во время занятий и сел рядом с Ларисой, которая терпеливо его ждала:

- Ну рассказывай, что тебя так угнетает.

И Лариса рассказала всё, про Сергея, про его жену Наташу. За то служение, которое она добровольно возложила на себя, чтобы привести Сергея к Господу. Рассказала и об отлучении, пожаловавшись, что считает, что братский совет обошёлся с ней несправедливо.

Преподаватель слушал её не перебивая. И когда та закончила свой рассказ, заметил:

- Прежде всего, дорогая сестра, мы с тобой не в праве судить ни пастора, ни братский совет. Не знаю, насколько они правы, но они стоят перед Богом и Ему одному судить о правильности их решений.

Лучше давай порассуждаем о ситуации, которая сложилась вокруг тебя.

Ты говоришь, что тот Сергей приходил к тебе каждый вечер и на протяжении длительного времени?

- Да, приходил, но...

- Подожди, - остановил возражения Ларисы преподаватель: - ты ему пыталась рассказать о Господе, о Его любви, о необходимости в покаянии?

- Да, делала это всегда при каждой встрече.

- Но он ни разу не поддержал тебя в этой теме...

- Ни разу.

- А знаешь почему?

- Не знаю, может ему было не интересно, или я не умею донести истины до других.

- Нет сестра, не потому. Даже если бы ты имела не превзойдённый талант оратора, и тогда бы он тебя не слушал.

Ему не нужен был Господь, ему нужна была ты.

Просто такая природа у большинства мужчин. Для них всегда в чужую жену вложена ложка мёда. И это для многих не секрет.

И пусть в тот момент у него будет жена и красивее и умнее соперницы, муж будет добиваться то, что ему не даётся.

Это природа мужика и тут нет исключения.

Разница в чём? Одни не дают волю своим фантазиям и стараются видеть в своей жене всё самое хорошее.

Другие наоборот, идя на поводу у своей похоти, начинают видеть в своей красивой, но доступной жене одно плохое, даже там, где только хорошее. А своему объекту обожания столько добродетели приплюсует, делая из неё идеальную женщину!

Вот и тот Сергей нарисовал для себя твой портрет таким, каким хотел тебя видеть. И характером наделил таким, что уж лучше и не надо. И распалил в себе похоть до пожара.

Но, если бы он мог добиться своего, склонить тебя к блуду, то ему бы ты быстро надоела. Тогда бы он вспомнил, что жена у него есть, и дети.

Но, тот пожар блуда в нём затих бы на некоторое время, пока он не нашёл себе другой объект для обожания.

Твоя вина в чём, дорогая сестра, а в том, что ты наивно полагала, что сможешь над тем субъектом совершить евангелизационный подвиг. Но, ваши частые встречи и долгие посиделки, не могли не вызвать ревность жены. И уже не имеет значения твои чистые помыслы и намерения. Их Серёжиной супруги не покажешь. Ведь не пять минут вы находились наедине.

- Нет не пять минут. Бывал и час, и два, и три сидел, не выгнать.

- Вот видишь, что в это время должна была думать его жена? Что такое немалое время делать у одинокой симпатичной женщины?

Тебе же надо было, как только поняла, что он не воспринимает слово Божье из твоих уст, тут же гнать его. Понять, что это же не овечка перед тобой, а волк в засаде, даже не одев овечью шкуру.

- Да, но...

- И вот теперь, - не обращая внимание на то, что Лариса хотела вставить какую-то оправдательную реплику, продолжал преподаватель: - и вот теперь, дорогая сестра, ты должна пойти к его жене, сесть и мирно поговорить. Объясниться по-женски, поплакать, если будет на то побуждение, вместе. И потом, как-то побудить её, чтобы пошла снова к пастору и сняла с тебя свои обвинения.

Да, и сама должна прийти к пастору, покаяться в том, что не думала, что твои лучшие побуждения приведут к таким плачевным последствиям.

Лариса внимательно выслушала преподавателя. И, вроде бы, ничего нового не было в его словах. Но, она остро осознала вдруг свою вину перед соседкой Наташей, свою вину перед церковью. И это осознание принесло ей небывалую лёгкость. Как будто много пудовый валун свалился с её сердца.

В этот вечер домой Лариса принеслась как на крыльях. Зайдя в квартиру, тут же обняла дочку, встретившую её у двери, и расцеловала. Та с изумлением посмотрела на мать, как бы говоря: «Что с тобой случилось? Случайно умом не повернулась?»

И потом, целый вечер вела себя очень странно. Ни с того, ни с сего стала петь те гимны, которые раньше ей нравились, но, после отлучения о них совсем забыла.

И дочь с немалым удивлением следила за матерью.

В следующих вечер, Лариса, хорошо одевшись, с маленьким тортиком в руках, позвонила в дверь к Наташе. Та, открыв дверь, с нескрываемым удивлением взглянула на приветливое лицо Ларисы.

Лариса же робко сказала:

- Наташа, ты меня прости, разреши мне пройти. Я хочу с тобой поговорить.

Наташа пошире открыла дверь, жестом руки пригласила, не дружелюбно добавив:

- Давай, входи.

Когда женщины вошли в кухню, Лариса аккуратно поставила торт на стол и сказала:

- Наташа, ты меня прости, что я задала тебе столько неприятностей и переживаний. Я не хотела, чтобы ты страдала из-за меня. Напротив, я очень хотела, чтобы вы были счастливы с Сергеем. Пыталась ему это объяснить. С Библией в руках пыталась ему вложить в голову, что муж должен любить свою жену.

Может я это делала не правильно, не так. Может, действительно он пересидел лишнее на моей кухне. Прости меня, недалёкую. Я как-то об этом не думала. И виновата в этом, прости меня.

Слушая сбивчивую речь Ларисы, Наташа постепенно менялась в лице. Маска не проницательности и суровости сменялась миной недоумения. За тем глаза немного потеплели, и наконец на её лице появилась милая добродушная улыбка. И вдруг она рассмеялась:

- Кого, этого дурака уму учить хотела? Ой я умру!

Так же неожиданно как засмеялась, Наташа замолкла, и неожиданно предложила:

- Так чего мы стоим? Давай сядем.

- Нет Наташа, как-то не удобно. Я вообще на минутку, так зашла, - мямлила Лариса, топчась на месте.

- Чего там не удобно? Нормальная кухня. И какая минутка? Вот торт притаранила. Что я его одна есть буду? Так жрать, я не лопну? Так что пришла, вот и усаживайся, а я тем временем чайник поставлю.

Лариса села на предложенный Наташей табурет. Осмотрелась вокруг. Очень уютная кухня, со вкусом обставленная мебелью, аккуратно, чистенько вокруг.

Не вольно вспомнились слова Сергея «...не опрятная, плохо ведёт хозяйство».

«Ну и мастер он наговаривать на жену, - продолжала думать про себя Лариса: - да и не злая она вовсе. Вон какая красивая улыбка!».

А Наташа тем временем хлопотала у плиты, что-то ещё разогревая к чаю.

И уже присаживаясь к столу, тут же подскочила:

- А что нам с тобой тот чай. Может по капельке портвейна? У меня есть – марочный!

- Да я не знаю, - неуверенно стала возражать Лариса: - нам, как бы не положено, да и тебе может не стоит, ведь беременна, как бы малышу не навредить.

- Первое, насколько я разбираюсь в Писании, вам не положено пьянствовать. А пару капель хорошего марочного вина, кто может запретить? И второе, моему малышу пару капель марочного вина пойдёт лишь на пользу. Сам врач мне это вино и посоветовал.

- Ну если только пару капель, - начала сдаваться Лариса.

Наташа же медлить не стала. Тут же из холодильника достала запотевшую от мороза бутылку марочного вина.

Раскрыла её, и немедля налила по чашечкам для чая, которые стояли на столе для общего интерьера и красоты.

- Ну, вздрогнули, - подняв свою чашку произнесла Наташа вместо тоста, и добавила: - за нас!

Посидели немного молча. Лариса лихорадочно искала в голове как ей продолжить разговор. Наташа же сидела с безучастным видом и полным равнодушием ко всему. Ещё через некоторое время затянувшегося неловкого молчания она сказала:

- Эх! Хорошо пошла! Догонимся?

- Нет, нет, - сопротивлялась Лариса, даже прикрывая свою чашечку ладонью.

Наташа же настойчиво:

- Нет подруга, так дело не пойдёт. Раз начали, так чего теперь раком пятится?

Не очень убедительный аргумент, но Лариса отняла ладонь от кружечки.

И когда подняли свои «бокалы» во второй раз, Лариса предложила тост:

- За вас с Сергеем, чтобы у вас было всё прекрасно и была дружная семья.

- Нет, - Наташа поставила кружечку на стол: - за это пить не буду.

- Почему? – спросила Лариса.

- Потому что всё, нет семьи.

- Как нет семьи, - не поняла Лариса.

- А вот так, нет и всё. Развелись мы с Серёжкой уже больше недели назад.

- Ой! А что же теперь будет?

- Да ничего не будет.

- Ой Наташенька, ты меня прости, это я виновата дура такая! Но у меня же с твоим Серёжей ничего не было.

- Да при чём здесь ты? Я знаю, что у вас с ним ничего не было.

- А откуда ты знала?

- Да что тут знать, если мужик ходит по квартире как кот зажавшийся, значит где-то получил своё. А если рыскает как шакал голодный, значит у него облом.

Что тут знать, и ты тут не при чём. Не было бы тебя, значит он нашёл бы кого-то ещё.

Кобель – есть кобель, завершила свой монолог Наташа.

- И что же теперь будет, Наташа?

- А что будет, ничего не будет. Вот его матушка продаёт эту квартиру. Это она купила сыну как свадебный подарок. Обещала, как продаст, купит мне однокомнатку. Это чтобы не обижать меня и своих внуков. Благодетельница! Это благодаря ей сынок её стал таким распутником. Вечно, Серёженька хочешь то, хочешь это. Баловала, пестовала, вот и допествалась. Теперь этот «подарочек» ещё ни одной бабе жизнь исковеркает.

И долго ещё длился их женский разговор. Наташа уже не прятала свои чувства за рамки своей гордости, отрыто плакала. Плакала вместе с ней и Лариса.

А налитое вино так и стояло на столе не выпитым.

И когда их разговор должен был закончиться по всякой логике, Лариса вдруг предложила:

- Наташа, а пойдём со мной в церковь. Там ты будешь среди хороших людей и совсем забудешь о своём одиночестве. Да и для твоей дочки там есть воскресная школа. Там детям нравится, им там интересно.

- Да пошла ты! – резко оборвала Ларису Наташа: - делать мне больше нечего, как по вашим церквям шляться! И так, каждый праздник в церковь хожу. Мне этого хватает.

- А ты попробуй разок, может тебе у нас и понравится, - робко и тихо пыталась уговорить Лариса свою новоявленную подругу.

Та ничего не сказала ей в ответ. Но, когда провожала до двери вдруг заявила:

- Кто его знает, может и приду в вашу церковь.

А в воскресенье после служения Лариса подошла к пастору.

- Можно с вами поговорить? – спросила она.

- Да, слушаю вас.

- Вы меня простите Леонид Леонидович, действительно я была не права. Действительно благодаря моим бездумным действиям в той семье произошёл раскол.

Я была у своей соседке, просила у неё прощение. Мы помирились.

И ныне я каюсь перед Господом за свою глупость.

- Хорошо сестра, я рад за вас. Принимаю ваше покаяние. Пусть вас Бог благословит обильно.

И через месяц, на очередном членском собрании, Ларису восстановили членом церкви.

Церковь бурно приняло это событие. Ларису обнимали, целовали сёстры, множество тёплых рукопожатий от братьев. Оказывается, в церкви многие переживали и молились за сестру, но не подавали виду.

Тем более, для неё это событие стало праздником на целый день.

Но и на этом праздник не завершился. Буквально на следующей неделе ей и её дочери выдали паспорта со штампом «гражданин Украины».

.....
На этом можно было бы поставить точку. Но, ещё через полгода Лариса получила письмо из колонии усиленного режима от Сергея, который попал туда за изнасилование несовершеннолетней девочки.

Он клялся ей в любви, обещал, что будет посещать здесь церковь. Лариса пришла с этим письмом к своему преподавателю.

Тот не долго рассуждал:

- Так, он посещает церковь?

- Нет, он обещал.

- Принял Господа своим Спасителем?

- Нет, даже не пишет об этом.

- Так что сестра, ты снова не можешь рассмотреть волка, который в этот раз уже пытается натянуть овечью шкуру?

Лариса тихо скомкала письмо от Сергея и выкинула в мусорный ящик.

Заочница.

Виктор отбывал наказания в местах лишения свободы. Срок не большой, но и малым не назовёшь, пять лет. В унылых серых буднях неволи он обрёл радость – уверовал в Господа Иисуса Христа. И жизнь его преобразилась самым невероятным образом. Он не только: бросил курить, пить крепкий чай, материться, но находил в себе ещё духовные силы помогать другим. И не только словом, но и делом. Делился теми небольшими дарами, получаемыми им со свободы.

И казалось, жизнь замечательна. Он с радостью постигал христианскую науку, учился сразу в трёх библейских школах, и даже сдавал какие-то зачёты в библейском институте. В его сердце была твёрдая уверенность, что Господь его всегда поддержит, даст силы, не оставит ни в какой ситуации.

Одно его одолевала, тоска по прекрасной половине. И, чем ближе конец срока, тем больше эта тоска не давала ему покоя. И чем меньше ему оставалось отбывать свой срок, тем сильнее казались приступы в его сердце.

И однажды в его руки попала газета с объявлением «хочу познакомиться».

Таким образом у него завязалась переписка с Виталиной.

Виталина, простая деревенская женщина с двумя малолетними детьми от первого неудавшегося брака. И когда в их деревне образовалась баптистская община, то Виталинины родители, да и она сама с радостью стали посещать это собрание.

Вскоре вся семья приняла водное крещение.

Исследуя Библию у Виталины появилось твёрдое убеждение, что Бог хочет для неё лучшей доли. Вот только какой доли в чём, она не могла понять.

Глядя на своих маленьких детей она всё больше и больше ловила себя на мысли, что очень необходимо чтобы у них был папа. Не возможно сказать, где этому можно найти обоснование в Писании, но именно так решила Виталина, что ей было сказано через Писание, что такой участи для её детей хочет Бог.

И решила попытать счастье, написав объявление во всевозможные газеты в которых была рубрика «Заочное знакомство».

Написала, что вот она, женщина без пороков и вредных привычек желает познакомиться с человеком 35-45 лет тоже без вредных привычек для создания в последствии хорошей семьи.

И когда она получила письмо от Виктора, была серьёзно озадачена: «Надо же, сидит».

Но, сколько-то поразмыслив, пришла к выводу: «Ну что с того, что сидит? Всякий может споткнуться в жизни. А парень вон без вредных привычек. Пишет, что уверовал, и Господь его исправил».

Решилась и ответила на его письмо.

Быстро в письмах Виктор и Виталина нашли единение. Одного рода тоска нашла источник в этой переписке. Часто в письмах у них обнаруживались одни и те же мысли и чувства. Но, чтобы назвать их письма высокодуховными, так это не так. Большею частью они изобиловали такими изречениями, как «Бог милует..., на Божью милость уповаю..., с Божьей помощью..., Бог поможет...». И всё в таком духе.

После полугодовой переписки Виталина приехала на краткосрочное свидание, чтобы познакомиться ближе со своим суженым. Ну и себя показать.

Есть все основания полагать, что эти смотрины удовлетворили обоих.

Правда, по началу, встретившись на этом свидании через стекло и по телефону, они сидели друг против друга минут пятнадцать, потупив взгляд и не решаясь посмотреть друг другу в глаза, не находя темы для разговора. Лишь редкие реплики, типа: «Ну как дела? Как родители, как дети? Что нового в селе?»

С её стороны: «Ну как в зоне? Хорошо ли кормят? Не обижают никто?» И тому подобное.

Но, когда вышло время свидания, дежурному офицеру еле удалось прервать потоки их речей, бойкую беседу.

Это было единственное свидание. Ибо ни у Виталины не было столько средств ездить на те краткосрочные свидания. Ну у обоих желание ещё раз испытывать судьбу такого общения.

Так и пролетали день за днём, неделя за неделей, складываясь в месяцы и годы.

Пришёл и тот день, когда Виктору надо было покинуть опостылевшие тюремные пенаты.

Опьянённый радостью свободы Виктор добрался до вокзала, взял билет на нужный поезд, и сел в зале ожидания. До прихода его поезда было более трёх часов.

Рассматривая публику Виктор обратил внимание на немолодую женщину с ребёнком, девочкой лет пяти-шести.

Ребёнку явно не нравилось это ожидание их поезда. Она сначала приставала к женщине:

- Ба, а ба, ну, когда мы уже поедём?

- Потерпи Леночка, вот придёт наш поезд и поедём. Уже немного осталось. – Успокаивала женщина внучку.

Но Леночке не сиделось на месте. Она выгибалась, сидя на вокзальном кресле, дрыгала ногами. И когда убедилась, что от бабушки никакого вразумительного ответа не добьётся, кроме как «потерпи», спрыгнула на пол и стала бегать по залу ожидания.

Бабушка с тревогой следила за своей внучкой. Тогда Виктор и решил обратиться к этой немолодой женщине.

- А в Писании сказано: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него когда и состарится». А у вас с внучкой как раз начало пути и в физическом и в духовном плане. А с наставлениям что-то не очень клеится

- Что вы имеете в виду? – спросила женщина, не очень дружелюбно глядя на Виктора.

- Да вот, ребёнок вас не очень слушается. Видимо вы её балуете?

- Так что, вы желаете мне сказать, чтобы я вот так взяла и при всём народе отлупила свою внучку?

- Нет, что вы, - как-то пытался спасти положение Виктор: - просто я хотел сказать, что надо знать Писание. Там всё написано, и как себя вести, и как ребёнка воспитывать.

- А ты что, молодой человек, священник? – с иронией в голосе спросила женщина.

- Да нет, да нет я просто... , - Виктор замялся и уже не знал, как тут выкрутиться и что ответить этой женщине.

Но та и сама отвернулась, давая понять, что не желает продолжать начатый разговор.

Но речи Виктора не остались незамеченными. Рядом с ним сидел немолодой лысоватый полный мужчина. Когда Виктор опускался в вокзальное кресло, тот дремал сцепив свои пухлые пальцы у себя на круглом животе. Но когда Виктор заговорил с той женщиной, мужчина пробудился и с интересом слушал, предполагая, чем может закончиться это общение.

И когда обескураженный Виктор отвернулся от той женщины, спросил:

- Так значит вы верующий?

- Да, - односложно ответил Виктор.

- А, извините, можно поинтересоваться, к какой вере вы принадлежите?

- Как, не понял. Я христианин верующий в Господа Иисуса Христа!

- Нет, это и так понятно, что не в Аллаха, меня интересует конкретно. Там может быть православный, католик, баптист, ну кто там ещё есть...

- Не знаю, - признался Виктор: - я вообще-то уверовал в тюрьме. А там нет таких делений, всё смешано. Но, теперь возвращаюсь к жене, которую подарил мне Сам Бог. А она посещает баптистскую церковь. Видно и я баптистом стану.

- А что, Бог в самом деле помогает?

- А то нет! Вон я бросил курить, оставил другие вредные привычки. А сам бы я, что смог?

- Ну а вы верите в Господа? – поинтересовался Виктор у своего собеседника.

- Как тут сказать... , может верю, может нет. Слишком много вер развелось. Кому верить, куда ходить?

- А вы не куда-то идите, а прямо к Господу Иисусу Христу. Вот Он и укажет церковь которую вам посещать, - посоветовал Виктор.

- А как это?

И Виктора прорвало. Он стал обстоятельно объяснять собеседнику, что Господь его любит. Что Он не просто так приходил на эту землю. Он пострадал на кресте Голгофы за грешников. И в том числе, и за него. Остаётся лишь признать себя грешником, покаяться перед Господом, приняв Его жертву, как залог своего спасения.

Завязалась оживлённая беседа. Того человека интересовало буквально всё. Но, вопросы, которые тот задавал, не слишком касались Господа и Его спасательной миссии.

Этот человек больше интересовался, есть ли в тюрьме церковь. Строго ли там наказывают. Как кормят. Есть ли возможность передвигаться на свежем воздухе, или только в камере.

Но надо отдать должное Виктору, тот умудрялся и в таких, казалось бы вовсе бездуховных вопросах, находить лазейки, чтобы засвидетельствовать своему собеседнику о тех чудесах, которые творит Господь в тех суровых местах.

Их оживлённая беседа привлекла ещё одного собеседника.

Долговязый худой пожилой человек с сердито нависшими на глаза чёрными с проседью густыми бровями, воспользовавшись короткой паузой в их беседе, вставил своё замечание:

- Чтобы ты ни говорил парень, а преступник он на всегда и остаётся преступником.

- Зря вы так думаете, - отпарировал Виктор: - между прочим, первый, кто получил спасение от Господа, как раз и был преступник. Это разбойнику, всящему на кресте рядом с Господом, Он сказал: «Ныне же будешь со Мной в раю».

- Не знаю, что там говорил разбойнику Иисус, я при их разговоре не присутствовал, но знаю Вовку. Вернулся из тюрьмы. Там он, вроде бы тоже уверовал. А через неделю обокрал собственную бабку и снова загремел «под фанфары».

- Ну нельзя же судить всех по одному подлецу! – заступился за Виктора первый собеседник.

И уже диалог-диспут завязался между тремя, ожидающими свои поезда.

Виктор горячо отстаивал свои убеждения, защищая всех уверовавших за колючей проволокой. Рассказывая и свидетельствуя о тех, кто освободился и остался верным Господу, неся для Него служение. Старательно доказывал силу и верность Господа, которую Он дарит всем уверовавшим без исключения.

Вдруг его пылкие речи остановил голос из привокзального громкоговорителя:

- С третьей платформы отправляется поезд 196 Москва-Симферополь. Счастливой дороги.

- Ох! – спохватился Виктор: - так это же мой поезд!

Схватив сумку, выскочил на перрон. Но увидел лишь красные фонари заднего вагона уходящего поезда.

«Вот и поевангелизировал», - с досадой подумал.

Минуты отчаяния сменила мысль: «Да ладно! Всё-таки посеял. А там, может быть Господь и взрастит. А уехать, всё равно уеду. Господь усмотрит».

Не спеша Виктор отправился к дежурной по вокзалу. Потом сдал билет в кассу, при этом потеряв немалую сумму от возврата билета. И уже, затем, не спеша отправился в справочную вокзала, где молоденькая девушка, посочувствовав ему, долгое время искала с ним тот приемлемый маршрут, по которому Виктор мог бы добраться до заветного села.

В конечном итоге маршрут был выбран. Теперь Виктору предстояло ехать двумя дизелями и одним пригородным поездом.

До начало пути было полтора часа. И, чтобы не рисковать, и не, вступив в дискуссию с кем-то о Господе, пропустить и этот дизель, решил исследовать привокзальную площадь с прилегающими к ней магазинами.

Виктор вышел на каком-то грязном полустанке. Уже был поздний час. Быстро темнело. Сиротски одиноко светил фонарь на привокзальном столбе, да дежурный свет над входной дверью маленького обшарпанного здания вокзала.

И ни души, к кому можно было бы обратиться с вопросом.

Когда отгремели колёса уходящего поезда за спиной, Виктор решился войти в одинокое здание вокзала.

В здании все кассы и все двери были заперты, кроме входной.

Побродив по залу, и не найдя никого, уже потихоньку отчаиваясь, что не может раздобыть никакую информацию о нужном селе, он направился из здания вокзала.

И уже в дверях он столкнулся с женщиной, по всей вероятности единственной дежурной на этой пустой станции.

- Извините, - обратился к ней Виктор: - вы не подскажете, как мне добраться до села Н.

- А вы что, издалека? – в свою очередь поинтересовалась женщина.

- Да вот, опоздал на свой поезд. Пришлось дизелями добираться до сего места. Вот и опоздал. А мне уже сегодня надо быть в Н.

- А вы к кому-то в гости, или как? – продолжала допрос женщина.

- Вообще-то, я думаю, что буду жить в этом селе. На всё воля Божья.

- А что хорошего жить в селе? – пожала плечами женщина. Помолчав добавила: - Я не знаю парень как ты ночью будешь добираться до села. Можно по этой дороге: - она указала рукой на просёлочную дорогу, укатанную машинами: - А можно через лес. Если дорогой, то будет километров пятнадцать. А через лес километров пять.

- Давай через лес: - обрадовался Виктор, что расстояние в три раза меньше.

- А ты не заблудишься? Ведь ты не знаешь этого леса.

- Ничего: - заверил женщину Виктор: - Бог поможет!

- Ну, если Бог поможет, то не заблудишься, - не то с иронией, не то с уверенностью заключила женщина.

И, продолжая разговор, указала на чуть приметную в сгущающихся сумерках, тропу.

- Видишь тропа начинается. Сначала пойдёшь по ней. Потом впереди будет небольшой овраг, там свернёшь налево. Обходя овраг, приблизительно километра за два тропа поведёт через поле. Дальше увидишь кладку через ручей, иди по ней. Потом снова будет лес. Но, тут уже рукой подать до села.

Виктор поблагодарил женщину за столь подробный маршрут до нужного места и чуть ли не бегом отправился по тропе, уходящей в лес.

Около часа Виктор шёл по тропе, которую указала женщина на полустанке. И надо отдать ей должное, все приметы, о которых она говорила, совпадали.

И вот Виктор увидел сквозь деревья огни в окнах домов. Ещё короткое время, и он зашагал по деревенской улице.

«Так, что Виталина писала там о своём доме?», - вспоминал Виктор: «Ага, у них на крыше должна быть труба отличная от всех, с флюгером в виде петуха».

И так, Виктор шагал по улицам села, внимательно всматриваясь в трубы на крышах.

Село оказалось не таким уж маленьким. И Виктор уже начал подумывать: «Так я могу ходить до первых петухов, пока обнаружу нужного петуха на крыше».

А на улицах ни души. Только редкий лай собак из-под заборов.

Не успел он в мыслях посетовать на петуха, как среди крыш, доступных его взору, он увидел желанную трубу.

Свернув в ближайший переулок, предположительно ведущий в нужном направлении и пройдя его, Виктор вышел именно на ту улицу, ради которой он проделал этот немалый путь.

Вот и он, тот дом с трубой на которой флюгер в виде петуха.

Зашёл во двор. В доме светилось лишь одно окно. Да и не мудрено. Было далеко за полночь.

Виктор осторожно постучал в светящееся окно и пошёл к двери.

Вскоре послышались шаги за дверью. На крытом крыльце включился свет. И уже знакомый голос Виталины за дверью спросил:

- Кто там?

- Виталина, это я Виктор, - слегка дрожащим от волнения голосом ответил Виктор.

Дверь отворилась, Виктор зашёл в прихожую, порывисто обнял Виталину и поцеловал в губы.

Та или растерялась, или сама того желала, но не оказала никакого сопротивления.

Через полчаса они сидели на кухне.

Виктор уплетал, всё, что успела собрать на стол Виталина. Вскипевший чай с вареньем, батон с маслом. Не густо, но хоть чем-то «червячка заморить».

Хотела собрать что-то пошикарнее, но Виктор сам отказался, избавил Виталину от долгих хлопот.

Чуть насытившись, Виктор рассказал Виталине о тех злоключениях, с которыми он столкнулся на пути к ней.

Завершив с поздним ужином, Виталина и Виктор перешли в комнату, где уже сладким сном спали дети, видя свои удивительные сны.

Сели на кровать, которую Виталина приготовила себе для сна.

Виктор взял Виталину за руки, с лаской и трепетом, волнуящую всю плоть, заглянул в Виталинины глаза.

- Милая, так скучал по тебе, - и Виктор за руки притянул Виталину к себе. И они слились в долгом сладком поцелуе.

Опомнились уже в постели. Видимо тоска по мужской ласки съедала и Виталинину плоть. Уж очень податливой оказалась она.

«Всё равно он приехал ко мне», - успокоила себя Виталина, прижимаясь щекой к плечу Виктора и сладко засыпая.

Виктор проснулся от какой-то внутренней тревоги. За окном серел рассвет. А у кровати стояла женщина, укоризненно качая головой, сложа руки в отчаянии на своей хилой груди.

- Доброе утро, - только и нашёлся, что сказать Виктор.

Женщина бросила на него злобный взгляд, развернулась тихо и молча ушла.

Виктор высвободил руку, которой обнимал Виталину за плечи и тихо встал, чтобы не разбудить её. Оделся и вышел в кухню, где уже гремела посудой мать Виталины после того, как вышла из комнаты дочери.

- Здравствуйте, - входя в кухню поприветствовал Виктор мать Виталины, чтобы как-то разрядить обстановку: - Я Виктор. Мы переписывались с вашей дочерью какое-то время. Рад был с вами познакомиться. А как вас звать?

Но мать Виталины ничего не отвечала, делая вид, что очень занята приготовлением завтрака.

Виктор присел к столу.

Тогда, стоя спиной к Виктору заговорила женщина:

- Не гоже так, чтобы только на порог и тут же в постель. Грех это.

- Но ведь я приехал к ней..., - пытался оправдаться Виктор.

- Грех это, - обрезала Виктора Виталинина мать, и вышла из кухни, оставив растерявшегося Виктора одного.

Это был субботний день. В это утро Виктору удалось познакомиться с Виталиниными родителями. Её мать звали Прасковья Герасимовна, а отца Иван Васильевич.

Не смотря на внешнюю суровость Прасковья Герасимовна была весьма добрая кроткая женщина. Напротив, Иван Васильевич, резкий в суждениях и действиях, эдакий постоянный борец за правду и справедливость.

Целое утро он пытал Виктора:

- Вот скажи, зачем ты явился в этот дом? Чтоб опозорить нас? Обесчестить нашу семью?

- Иван Васильевич, но ведь я приехал к вашей дочери, чтобы создать свою семью, - пытался оправдаться Виктор.

- Ни с того семья начинается парень. Вы-то даже толком не знаете друг друга.

- Но ведь мы, с вашей дочерью, больше двух лет переписывались.

- Переписывались! – передразнил Виктора Иван Васильевич: - тоже мне достижение! Да бумага всё стерпит, написать можно всё. А жизнь тебе – это не письмо. Она порой кровью пишется.

- Какой кровью, Иван Васильевич, что вы такое говорите? Что сейчас разве война?

- А как ты хочешь? Семейная жизнь и есть война, - заключил Иван Васильевич. Потом закончил:

- Не знаю, как там дальше будет. Но перед нашей церковью придёт и тебе и Витке ответ держать.

- А может не надо во всё это церковь посвящать? – пытался урезонить Ивана Васильевич Виктор: - Всё равно мы распишемся и будем законными мужем и женой.

- Нет парень, всякая неправда есть ложь. Ты тут давеча хвалился, что знаешь Библию. Тогда должно тебе и это знать.

Вечером, всей семьёй пришли в церковь на собрание. Должно было состояться (как говорят во всех церквях) разбор слова Божьего.

Пусть простит меня читатель за это маленькое отступление от главного повествования, но автора всегда смущало это изречение «РАЗБОР СЛОВА БОЖЬЕГО». Это ассоциируется с каким-то магазином или раздачей гуманитарной помощи. «Разбор – кому, что достанется». Нет бы заменить слово «разбор» на «исследование». Так нет того.

Иван Васильевич сразу направился в братскую комнату. И там какое-то время с пастором и другими братьями они о чём-то беседовали. Правда, после этого к Виктору подошёл пастор и сказал:

- Ну что, давай знакомиться. Я пастор этой церкви. Меня звать Владимир Павлович. Ты надолго к нам? Или так, покрутить и улететь?

- Не знаю. Бог усмотрит, - быстрее по привычке, а не разумом ответил Виктор. И его ответ явно не понравился пастору.

Заканчивалось рассуждение над Библией. Ну как рассуждение? Быстрее длинная проповедь пастора. Сначала прочитали из Библии из книги Евангелие от Иоанна пятнадцатая глава. Каждый присутствующий по очереди читали по стиху. Потом пастор прочитал сначала первый стих и спросил: - ну как вы думаете, что в этом стихе хотел сказать Апостол?

Молчанием церкви был встречен его вопрос.

Тогда пастор сам объяснил ту мысль, какую хотел выразить Иоанн. И так по всей главе. Вопрос, молчание, объяснение пастора.

Уже войдя в церковь, Виктор заметил, как с осуждением смотрят на него члены церкви. Никто не подошёл к нему приветствуя.

И, завершилось собрание. Все, как и во всех церквях, протягивали друг другу руки в приветствии. Виктора, как будто и не замечали.

Тогда он сам стал протягивать руку для приветствия. Принимали. Но, как-то с неохотой, подозрением и даже какой-то опаской.

Похоже на то, что здесь уже все знали кто он и что сделал в эту ночь. И каждый в себе уже осудил его.

В воскресенье в вечернее служение пастор объявил членское собрание. И пастор попросил всех не членов церкви покинуть помещение.

Несколько женщин и мужчина, да ещё пару молодых парней, безропотно встали и вышли.

Виктор оставался на своём месте. В душе он знал, что принял водное крещение став членом церкви. А закон о том, что, придя в новую церковь пока церковь не примет его членом, он считается не весть кто ни кем ему оглашён не был. Виктор, как сидел, так и остался сидеть

Тогда, глядя прямо Виктору в глаза, пастор и повторил:

- Все, кто не является членом нашей церкви, просьба покинуть помещение.

Тогда только дошло до Виктора, что это относится лично к нему. И это очень задело его самолюбие. Но, он молча встал и вышел на улицу.

Не более как через полчаса, и вся церковь стала покидать здание церкви. Собрание закончилось.

Виталина вышла со слезами на глазах.

Когда они шли домой, Виктор допытывался:

- Так что случилось? Что тебя так расстроило?

- Да ничего страшного, - сквозь слёзы отвечала Виталина: - просто меня отлучили от церкви за прелюбодеяние.

- Так что теперь? – не понял всего происходящего Виктор.

- Что теперь, не знаю, что теперь. Если ты меня оставишь, то это будет не смываемый позор для меня, семьи и всей церкви. Так что Витя думай, что теперь.

Не смотря на все обиды, причинённые Виталиными родителями, не смотря на то, что церковь приняла его с такой нескрываемой неприязнью, Виктор не ожесточился сердцем. А обида за саму Виталину до боли сжимала его сердце.

Пройдя молча какое-то время, как бы размышляя с собой Виктор заговорил:

- Не волнуйся Виталина. Мы ещё им утрём нос. Завтра же поедим и подадим заявление в ЗАГС.

- Завтра не подадим. Завтра выходной.

- Ну тогда после завтра. А когда будем законными можем и женой, то куда тот пастор денется. Придётся тебя восстанавливать в церкви. Да и со мной решат вопрос. Ведь я же принимал водное крещение. Вот и письмо рекомендация от моего пастора есть. Так что всё будет хорошо.

Такие речи успокоили Виталину. Она перестала плакать, и её глаза даже засияли счастьем.

И Виктор сдержал своё слово. В пришедший вторник подали заявление в ЗАГС чтобы официально оформить свой союз.

В ЗАГСе им дали месяц на раздумье. Мол так положено по закону.

Но, это время Виталина с Виктором продолжали жить как законные муж и жена, чем вызывали негодование как семьи Виталины, так и всей церковной общины.

Отпущенный месяц Виктор не сидел сложа руки. Сначала нашёл что подремонтировать в самом доме. А следом, выйдя на улицу и там нашёл себе работу.

На четвёртый день пошёл к председателю. Тот, узнав, что Виктор не плохой слесарь, тут же отправил его в механические мастерские. И, надо отдать должное, у Виктора действительно руки были на месте. Вскоре в этом убедилась и бригада, в которой Виктору пришлось трудиться.

Когда ему выдали через неделю первый на этом месте заработок (пусть небольшие деньги, но своими руками заработанные), то к нему приступили парни из бригады:

- Ну что, Витёк, надо отметить, так сказать, вступительные. Беги в магазин.

- Нет ребята, водку я покупать не буду, спокойно ответил Витя.

- Так ты чё, больной какой? У нас закон такой, так полагается, первая зарплата, надо обмыть.

- Понимаешь друг, - Виктор миролюбиво положил руку на плечо собеседника: - дело в том, что у меня-то другой закон.

- Какой другой закон? - удивился тот.

- Божий, - всё так же спокойным тоном пояснил Виктор.

- Ты что, штунда? – глаза собеседника выражали и удивление, и презрение одновременно.

- Не знаю, штунда, не штунда, но закон Божий гласит: «никакой водки».

- Ребята, вы слышали? Витёк-то у нас штунда оказывается, - с насмешкой в голосе повернулся к товарищам назойливый собеседник Виктора.

- А ты что не знал? Он же живёт с Виткой, а у них там все штунды.

- Ладно ребята, что там, - пытался как-то скрасить свой отказ Виктор: - не думайте, что я деньги зажал. Если хотите, сделаем чая, я торт куплю, вот и отметим.

- Ладно, не приставайте к парню, - неожиданно вступился за Виктора один из бригады.

Это был в возрасте человек. Его все уважали и в селе, и здесь в мех мастерских. Все его с почтением называли, Егорыч.

- Его принципы много разумнее наших, - продолжил он: - и коль мы не едим торты, то и магарыч нам не за чем пить.

И слова Егорыча как-то спокойно были всеми восприняты и к Виктору уже никто не приставал.

Так не заметно пролетел месяц. Пришёл и тот день, когда Виктор и Виталина должны были приехать в ЗАГС, для регистрации их брака.

Регистрировать брак они решили в городе, а не сельсовете. Что тоже не понравилось ни Виталининым родителям, ни односельчанам.

- Вот гордые какие, их наш сельсовет чем-то не устраивает. Как барыны хотят венчаться. Ещё бы и к попу бы обратились, - судачили они между собой.

И конечно же никаких машин, и кортежей, никаких свидетелей и толпы родственников и друзей на бракосочетании в ЗАГСе у них не было.

Одевшись утром в более приличные одежды, более празднично, чем одевались каждый день, взяли билеты на пригородный поезд, приехали в город, дождались своей очереди в ЗАГСе, когда их пригласили расписаться. Сами же работники ЗАГСа поздравили новобрачных. С тем и вернулись обратно в село.

За стол сели не изобилующий яствами с тортами и свечами, а обычный обед, который готовила Виталина каждый день.

Сели скромно: Виталина с Виктором и Виталинины дети, дочка тринадцати лет и сынишка четырнадцати лет.

После скромной свадьбы мало что изменилась в жизни Виталины и Виктора. Только Прасковья Герасимовна стала относиться к Виктору более внимательно и более ласково. Разговаривала с ним, расспрашивала о каких-нибудь суетных мелочах. Даже советовалась иногда, как сделать то или, то. Надо сказать, что хотя Прасковья Герасимовна и Иван Васильевич и жили под одной крышей с дочерью Виталиной, но жили каждый своей семьёй ещё до того, до женитьбы Виктора на Виталине.

Естественно мать помогала Виталине за внуками присмотреть. Помогала и деньгами. Даже необходимое приобрести для школы внукам, она считала своей обязанностью.

И Иван Васильевич, особенно когда внуки были ещё маленькими, иногда любил с ними поиграть.

Но, на этом всё. Их семейное единение заканчивалось.

После росписи и в церкви не спешили поменять мнение о Викторе. Хотя находились и те, кто уже более охотно протягивали руку для приветствия. Но основная масса держала Виктора на разумном, по их мнению, расстоянии.

Так пролетело ещё несколько месяцев. И стало Виктору постыло ходить в то собрание. Редко из города приезжали к ним гости на служение. Но, тогда можно было слышать хоть толковые проповеди. А местные: пастор и два дьякона не всегда говорили то, что жаждала бы услышать душа.

И постоянные косые взгляды в сторону Виктора.

И вот, однажды утром, когда Виталина собиралась на собрание, Виктор вдруг заявил:

- Сегодня я никуда не пойду.

- Что так? – поинтересовалась Виталина.

- Да знаешь, вчера, ты же знаешь, я допоздна задержался в мастерских. Много работы было. Устал, отдохну сегодня. Может вечером сходим.

Но, не пошёл и вечером Виктор на собрание. Не пошёл и в следующее, а потом и ещё в следующее воскресенье.

И вот приходит Виталина с детьми с очередного пропущенного Виктором собрания, а он сидит за столом изрядно выпивши, уронив голову на руки.

- Что случилось? – поинтересовалась Виталина у мужа.

- Заткнись! – зло процедил сквозь зубы пьяный Виктор: - тебе ли не знать, что случилось. Связал же меня чёрт с уродкой!

Виталина совершенно растерялась. Она и раньше замечала у Виктора плохое настроение. Уже давно так страстно и пылко он не ласкал её. Уже забывать стала, когда он ей говорил приятные слова.

Но, чтобы так откровенно грубил, то это для неё была новость.

- Витя успокойся, - пыталась урезонить мужа Виталина: - всё хорошо, успокойся.

Но он вскочил из-за стола, за которым спал сидя. Весь вид его показывал, что он еле сдерживается, чтобы не ударить свою жену.

Та спешно схватила и прижала к себе детей, которые и так испугано прижимались к ней.

Виктор развернулся и пошатываясь вышел вон из дома.

Вернулся он поздно вечером, изрядно пьяный. Еле добравшись до кровати, рухнул на неё не раздеваясь.

Дети уже спали, на кухне стыл ужин, который Виталина приготовила для своего мужа.

Сама она сидела у стола с раскрытой Библией включив настольную лампу.

С тревогой посмотрела на мужа. И когда от него стал доноситься пьяный храп, тихо подошла, раздела его, повернула набок чтобы ему легче дышалось во сне, аккуратно накрыла одеялом.

Затем закрыла Библию, разделась, выключила свет и тоже легла спать примостившись на самом краешке кровати.

Виктор сорвался основательно. Теперь его трезвым увидеть было практически не возможно.

Вот уже бригада, в которой он работал, стала получать от него магарычи, да так часто, что и сами от них отказывались. У каждого хозяйство. Да и где взять столько денег и здоровье, чтобы каждый день пить?

В бригаде Виктора около месяца терпели. Несколько раз с ним пытался поговорить Егорыч:

- Парень, я даже тебя зауважал, когда ты отказался ставить магарыч. Ведь ты, по сути, встал один против всего коллектива. Так где же теперь твои принципы? Или что, твой Бог стал другим богом?

- Какие там принципы, какой бог, - пытался оправдываться Виктор еле ворочая языком с похмелья.

И пришёл тот день, когда Виктору сказали, чтобы он больше не являлся в мастерских.

После этого он встал на утро трезвым, сел к столу. К нему тихо подошла Виталина.

- Витя, у нас будет ребёнок, - чуть ли не шёпотом сказала она.

- Какой там ещё ребёнок? Ты-то что ко мне пристаёшь! – огрызнулся Виктор. Но, через минуту осознав услышанное, подскочил из-за стола и подошёл к Виталине.

Как ребёнок? Когда? – как бы спохватился он.

- Вот уже три месяца.

- Три месяца, - машинально повторил Виктор за Виталиной.

Лицо его похмурнело.

Слёзы потекли из глаз Виталины.

- Ребёнок так ребёнок, - ещё через какое-то время заключил Виктор: - а что делать? Жить-то как-то надо!

После этой новости, которую Виктору сообщила Виталина, он дня три не пил. Но и из дома никуда не выходил. Лежал на кровати уставившись в потолок и всё о чем-то думал.

На четвёртый день, утром, поднялся и сказал Виталине:

- Пойду, поищу работу. А то негоже сидеть на твоей шее.

Вечером он вернулся и опять пьяный.

Утром, поднявшись с глубокого похмелья, он впервые обратился с таким вопросом к Виталине:

- Дай денег похмелиться. А то голова совсем разрывается.

- Нет у меня денег, - возразила ему жена.

- Как нет? Я давеча видел, как мать тебе давала какие-то деньги.

- Так это Анечке на тетради в школу. Мама недавно была на базаре, продала немного картошки.

Вот и дала внучке.

- Так дай мне те деньги! – сказал Виктор с угрозой в голосе.

- Как я могу... , - она не успела договорить, как впервые Виктор ударил Виталину.

И та, испугавшись, отдала ему все деньги.

Правда, через три дня Виктор вернул все деньги. Но, через неделю снова бил Виталину, чтобы она достала ему на опохмелку.

Так, дни трезвости чередовались неделями пьянства и побоями Виталины пока не пришёл срок ей родить.

Роды оказались тяжёлыми. Пришлось делать кесарево сечение.

При этой операции Виталине внесли какую-то инфекцию, и врачи долго потом боролись за её жизнь.

Виктор всё это время пьянствовал беспробудно. И когда пришло время забирать Викторину с ребёнком из больницы, то отправились за ней Иван Васильевич и Прасковья Герасимовна. Виктор уж сам увязался за ними. И пока оформлялись документы на выписку, он на «минутку» отлучился, и вернулся изрядно выпившим.

С рождением ребёнка у Виталины с Виктором жизнь лучше не стала. Даже наоборот Виктор ожесточился окончательно.

Но, смогу ли я лучше описать это время, чем сама героиня этого рассказа?

С её позволения, изменив имена, как и этом рассказе, публикую её письмо другу Виктора.

Дорогой Коля!

Коля, пишет тебе законная жена Вити. Витя со мной не живёт. Он бандит и блудник.

Ребёнка я родила через кесарево сечение. При том, мне занесли какую-то инфекцию, и я еле выжила.

Сынишка прекрасный.

Твоему другу нужна жена?

Он всячески меня избивал. А я ещё больная и слабая. Меня облучали. На его руки лёг весь домашний труд. Он должен был всё делать. За это он был злой, как волк.

Душил меня не однажды, чтобы я давала ему деньги на водку. И я давала.

05.05.2005 в последний раз побил меня. Бил в спину, в голову, куда попало за одну гривну, которой ко всему не было дома.

У дочки было двадцать гривен, которые дала Катя, когда приезжала. Узнав, он её схватил за горло, ударил по позвоночнику. Я тогда от волнения потеряла сознание. Мне было плохо. Помню только то, что лежала на веранде, а он стоял надо мной, требовал деньги и обзывал меня всякими нецензурными словами.

Вот такие они ваши верующие, такими словами верующих жён обзывают.

Он часто душил меня за горло, часто бил кулаками куда попадёт. Только за что? Это вера в какого бога? В какого бога вы там верите и какому богу молитесь не знаю.

Знаю одно, мой муж творит над нами бесправие.

Неоднократно требует денег. Тут выпросил денег ехать к той блуднице, с которой до меня проживал.

Я дала ему деньги лишь бы выпроводить его. Так он хотел забрать с собой и ребёнка.

Чтобы сохранить ребёнка от его бесправия, я ему солгала, что ребёнок не от него, что я его нагуляла.

Какой он отец? Не раз пьяный падал на коляску. Брал ребёнка на руки и бил ни за что, ни про что. Ребёнок заходился плачем.

А я от него только то и слышала: «Ты с..., ты б..., ты п...».

Грозил, что сына моего, которому четырнадцать лет, сделает гомосексуалистом. А дочке моей тринадцать лет, так он грозил и её совратить.

Скажи, какая же у вас вера? Может православные, или католики, или евангелисты так поступают? И какая Библия так учит?

Зато, что я не хотела иметь извращённые половые акты, не раз получала по щекам. Да так, что потом ни шеей повернуть, ни рта открыть.

Какой же вы веры там Николай, спрашиваю?

Я несла слово Божье подобным тебе и моему мужу. Я, Тимур и Лида. Те, хоть отбывали срока, я нет. И в этом моя вина?

Теперь я в растерянности, откинула Библию, откинула все деноминации.

Да что это за вера такая, спаси Господи мою душу! Что это за библия, в которой учат издеваться так над детьми и мной?

Я верю в Господа Иисуса Христа, в Его жертву крови, в Евангелие. Христу молюсь. После молитвы чувствую облегчение, свободу.

Твоё письмо выслала на Киевщину. Не знаю, что будет и где тот Витя. Всё равно шлю к свекрови. Никому не делала зла. И не хочу, чтобы тот тип знал, что я тебе писала.

Прости, что я открыла тебе душу. Твой друг хорошо прикидывался верующим. В больнице, где он лечился, сказали, что он «деградированный алкоголик», и что его болезнь лечению не подлежит. И пока жил у меня, все капли и настойки повыпивал. И «карвалол» дутьюлочками, и одеколон, и всё, что могло содержать хоть сколько спирту. А когда бил меня и детей, мы молчали, никому не говорили. Однако верно говорят «сколько ниточки ни виться, всё равно конец будет».

Правда, когда был трезвым, был добрым и до работы охочий. Теперь же я его и таким знать не хочу. И, наверное, подам на развод.

Он думает, что я хочу выйти замуж за какого-нибудь заключённого. Он глубоко ошибается. Не только заключённые, но и все мужики мне стали противны.

В отношении его я знаю, что он блудник. А, следовательно, я имею право с ним развестись.

А замуж я больше не хочу.

С уважением, Виталина.

Так и случилось. В один из дней просветления Виктор написал своей бывшей сожительнице которая посадили его на тот последний срок и на суд не явилась.

Находясь в колонии, он написал сожительнице письмо, и она ему ответила:

«Витя, сидишь, сиди. А я должна устраивать свою жизнь. Так что извини».

Но, теперь, на удивление, от неё пришёл довольно-таки хороший ответ. Было похоже на то, что не удалось ей устроить свою жизнь, как хотелось.

Коротко смысл письма заключался вот в чём:

«Витя приезжай, я жду тебя, люблю. Твоя Л...».

Сидя в вагоне поезда, который уносил Виктора от того полустанка, на котором он, два года назад сошёл, полный надежды найти здесь своё счастье. Уносил обратно в мирскую жизнь, полную греха. Виктор задумался:

«Что же было не так?»

А не так было буквально всё. Заочное знакомство – это как лотерея, которую изобрёл не иначе, как сам сатана. Каждый, покупая билет, надеется, что выиграет, заранее понимая, что это не возможно.

Виктор, не зная ни характера своей избранницы, ни условий жизни, окунулся в этот омут.

Но, коль уж случилось это, то яви любовь, терпение, смирение, прививаемым качествам Самим Господом, которым ты Витя учился, заканчивая многочисленные библейские школы и духовный институт.

Поведи себя правильно, люди бы это поняли. И жизнь бы обязательно наладилась.

Не раз открывая Библию, Виктор читал эти стихи, но они так и не стали руководством в его жизни. 1Кор.10:13 «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести».

И теперь уносил его поезд в иллюзорную даль за тем иллюзорным счастьем, которое Виктор, зная Бога, наперекор Богу, решил построить своими руками.